

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 5

1985

Борис СОПЕЛЬНЯК

**СТРЕЛА
НА КАРТЕ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 5

Борис СОПЕЛЬНЯК

СТРЕЛА НА КАРТЕ

Очерки

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Борис СОПЕЛЬНЯК

Борис Николаевич Сопельняк родился в октябре 1937 года. Окончил Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта и факультет журналистики Московского государственного университета. В «Огоньке» работает с 1967 года.

Очерки, рассказы и повести Бориса Сопельняка печатались в сборниках «Приключения» и «Мир приключений», журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Советский воин», альманахах «Подвиг», «Родники» и др.

В настоящее время Борис Сопельняк работает заведующим военно-патриотическим отделом журнала «Огонек», член Союза журналистов СССР, член КПСС, лауреат премии «Огонька».

СТАЛИНГРАДЦЫ

Волгоградская осень — особая пора. Чеканной медью налились листья в дубовых рощах, хрустально прозрачным стал высветленный студеным солнцем воздух, почти неподвижной и уверенно-спокойной стала неохватная ширь Волги. Тишина. Лишь заливистые гудки теплоходов перекликаются с гомоном пролетающих на юг птичьих стай.

Не договорись мы встретиться ранним утром, наверняка я бы в сутолоке дня не увидел этой прекрасной осени. Я был уверен, что к Мамаеву кургану приеду первым, но Мария Федоровна Лапина и Александр Михайлович Овчаров пришли еще раньше. Чуть позже появились Георгий Ильич Захаров, Василий Федорович Прохоренко, Николай Григорьевич Посохин, Николай Тарасович Мазница и Николай Петрович Красюков. От троллейбусной остановки они шли торопливо, но чем ближе к ступеням монумента, тем медленнее шаг, тем суровее лица, тем моложе и в то же время печальнее глаза. Поклониться праху своих товарищей шли люди, которые сорок лет назад насмерть стояли на сталинградской земле, которые пролили здесь свою кровь, были убиты, возвращены с того света, снова встали в строй и били врага из всех видов оружия. Не было своего — сражались трофейным. Кончались патроны — бросались рукопашную, дрались саперными лопатками, ножами и просто голыми руками.

А ведь тогда им было по восемнадцать — двадцать лет. Вчерашние школьники, рабочие и студенты почти без всякой подготовки были брошены в такое кровавое месиво, что кажется просто невероятным, как они это вынесли, как не надломались, откуда взялись у них силы не только противостоять опытному и хорошо вооруженному противнику, но и бить его — бить яростно, бесстрашно. Н. Т. Мазница рассказывал: «У нас была норма: один против трех фашистов. Когда один на один — это не считалось серьезным боем. Зато если оказывался против четырех или пяти гитлеровцев, такой брал азарт, такая накатывалась злость, что расколошмачивали и их».

...Мы медленно поднимались по ступеням. Тихо звенели медали, сияли ордена, поблескивали слезы. Никаким огнем не выжать было

эти слезы сорок лет назад, а теперь, вспоминая своих погибших товарищей и узнавая их высеченными в камне, недоумевая, каким чудом они сами остались в живых, герои-сталинградцы гладили опаленные огнем, оплавленные камни и рассказывали, рассказывали, рассказывали... Тогда-то я и решил ничего не описывать, ничего не приписывать — пусть прозвучит их простое, честное солдатское слово. Уж на что, на что, а на это они имеют право!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА ЛАПИНА. Гвардии старшина. Санитарструктор и командир 45-мм орудия. Кавалер ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и медали «За отвагу».

— Родом я из-под Сталинграда. Сперва жили в деревне, потом перебрались в город. Как поселились в Красноармейском районе, так я там и живу. Корни там держат крепкие. Кровь держит и могилы. А крепче этого ничего нет на свете. Бывало, тащишь на себе с ничейной земли раненого, живого места нет, а он подбадривает: «Давай, давай, сестричка, волоки меня, кати. Хоть я и «самовар», а умирать лучше дома, в своих окопах». Мало кто знает, что «самоваром» называли человека, у которого оторваны и руки и ноги. Такие редко выживали, но ребята были стойкие, до последней минуты лица не теряли.

На фронт я попала с трудом. Когда началась война, мне было семнадцать, работала сварщицей на судовой верфи. К военкомату и близко не подпускали. Но когда завод эвакуировали, я настояла на своем. Удивительное дело, с годами почему-то вспоминаешь не то, как было страшно и трудно, а какие-то смешные, второстепенные детали. Я, например, первое время больше всего переживала то, что пришлось отрезать косу. Сейчас девушки делают самые невероятные прически, а то и нахлобучивают парики. Мы же гордились косами. Отрезать косу в наше время было и стыдно, и горько, и больно. Что это за девушка без косы?!

Зато мне повезло с однополчанами! Четыреста двадцать вторая стрелковая дивизия прибыла с Дальнего Востока. Двадцатипятилетних «стариков» почти не было. Все командиры взводов — мои ровесники, ротные и батальонные — на два-три года старше. Но здоровенные были парни! А я весила сорок два килограмма. Никогда не забуду, как тащила на себе одного командира роты. Мы тогда стояли у реки Червленной. Рота пошла в атаку и попала под пулеметы. Многих покосило. А тех, кто залег, немцы начали добивать из минометов. Я — в воронке. Сижу, можно сказать, как у печки в родимом доме, а ребята — в чистом поле. Стонут, иные от беспомощности плачут и чуть ли не в один голос зовут: «Сестричка, помоги!» Надо вылезать, надо помогать, а боязно — кажется, весь воздух состоит из осколков и пуль. И вот, причитая: «Ой, мамонька, ой, родимая», выбираешься из укрытия. А жить-то хочется. Ох, как хочется жить! Ведь восемнадцать девичьих годочков, и жизни-то еще не видела: всего два раза была на танцах, а до дома вообще ни разу не

проводили. Четырнадцать солдат я все же перевязала и дотащила до наших окопов. Думала, все, передохну малость. И вдруг снова слышу стон. Поползла на стон. Лежит командир роты. Детина под два метра, и весь, как решето: двенадцать ранений. Я перевязываю, а кровь фонтаном, я — туже, а кровь все равно хлещет. Поняла, что сама кровь не остановлю. Протиснулась я под него, уперлась в шар земной сапогами сорок третьего размера и двинулась к своим... Как же я радовалась, когда командира починили и вернули в строй!

А другого командира роты вытаскивала телефонным шнуром. На высотке засел немецкий снайпер и не давал высунуться. Тогда я бросила командиру провод, он привязал его к ногам, и я потихоньку вытащила его в воронку... Помню и своего самого первого раненого, им был... вражеский офицер. В тот день произошел встречный бой. Отошли и они и наши. Я, как всегда, поползла за своими ребятами. Слышу, кто-то стонет и просит помощи не по-русски. Смотрю — фашист. Ведь враг же, не исключено, что в бою убил кого-нибудь из наших. Добить бы гада! Но раненый есть раненый. Перевязала и метров двести тащила к нашим окопам.

Однажды мне удалось немцев использовать в качестве тягловой силы. Перевязываю на нейтральной полосе Колю Корешкова, и вдруг прямо на меня идут два немца, закутанных в бабьи шали и одеяла. Я — за автомат, да как завизжу: «Руки вверх!» Они и сдались. Разоружила, заставила положить на одеяло Колю и велела нести к нашим. Так и привела их в штаб.

А 21 января во время боя за элеватор задело и меня — сквозное ранение в живот. Мороз тогда был за сорок. Помню, что когда меня нашли, не могли снять валенки — они примерзли к ногам. В госпитале пробыла совсем недолго, сбежала, узнав, что наша часть уходит из города. Долечивала себя сама. Потом была Курская дуга. Там я стала командиром «сорокапятки» и била по танкам. Эту пушку сдала лишь во время Яско-Кишиневской операции и там же снова стала санитарструктором.

Так я со своими артиллеристами прошла пешком от Сталинграда до Праги. За это время вытащила с передовой сто двенадцать раненых, не умея плавать, форсировала множество рек, за всю войну никому не дала ни одной таблетки от головной боли или от простуды, и до сих пор ношу часы, которые 8 марта 1945 года вручил командующий нашим фронтом Р. Я. Малиновский. А бывая на Мамаевом кургане, я всегда приношу цветы моей подруге, высеченной из камня. Не знаю, кто был моделью для скульптора, но она действительно похожа на мою погибшую подругу. В жизни ей не преподнесли ни одного букета, зато теперь вы не увидите фронтовика, который бы не принес ей лучшие цветы мира.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ОВЧАРОВ. Герой Советского Союза. Генерал-майор танковых войск. Кавалер ордена Ленина,

Кутузова II степени, ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и многих медалей.

— Военным я стал случайно. До войны успел окончить Черниговский пединститут, мечтал о карьере литературоведа, но... стал пехотным лейтенантом. Участвовал в Финской кампании, а затем в Бессарабском походе. Война застала под Одессой. Мы были так уверены в своих силах, что и не думали отсиживаться в обороне: форсировали Дунай, разгромили румынскую дивизию, захватили много пленных и техники. Потом военная судьба бросала по самым разным фронтам, пока нашу бригаду не передали в 23-й танковый корпус. Так я стал танкистом, причем начальником разведки.

С 17 июля, то есть с самого начала Сталинградской битвы, я здесь. Получив новые танки, мы зарылись в землю на северо-западной окраине города. Однажды мне самому пришлось отправиться в разведку. А в это время прорвались немецкие танки. Встретили их девушки-зенитчицы. Никогда не забуду этого боя! Я видел его в бинокль. Сверху на батарею пикируют «мессеры», из укрытия бьет артиллерия, и прямо в лоб лезут танки. День был очень жаркий. Девчонки сбросили пилотки, а потом и гимнастерки. В одних рубашках с развевающимися волосами носились они между орудиями, таскали снаряды, ловили в прицелы то танки, то самолеты. Как же они были красивы, эти отчаянные зенитчицы! Они погибли. Все до одной. Но танки не прошли. Когда я рассказал об этом нашим ребятам, у них даже лица свело от ярости. В те дни мы сражались, можно сказать, вот на этих ступенях. Превосходство в технике у немцев было подавляющее, поэтому хоть и с огромными потерями, но они продвигались вперед. С Мамаева кургана мы отошли к вокзалу, переколошматили там черт-те сколько фрицев, но нас оттеснили к драмтеатру. К этому времени в бригаде остался один танк с заклиненной башней и шестьдесят четыре солдата.

Десятого октября нас отвели за Волгу для переформирования. Там я попал в 13-й танковый корпус. А через десять дней мы начали наступление. Корпус вошел в прорыв и стремительно наступал, замыкая внутреннее кольцо окружения группировки Паулюса. Замкнули и... развернулись на сто восемьдесят градусов, встречая идущие на выручку войска Манштейна. В это время я был командиром бригады. Потери мы несли большие, но деблокировать Паулюса не дали.

Потери... До сих пор больно о них вспоминать. Я часто перебираю фотографии тех лет. Мои боевые друзья с веселыми и какими-то просветленными лицами так и остались молодыми, такими молодыми, что просто диву даешься, как они могли в столь юном возрасте не просто воевать, а командовать батальонами и полками. Ответственность на танкистах лежала огромная — они были всегда впереди, и в обороне и в наступлении. К тому же все виды огня

противника направлены в первую очередь на танки. Если танк загорелся, а железо горит похлеще дерева, то танкисту, тем более раненому, шансов на спасение практически нет. Сгорали танки, превращались в пепел люди... Земля Мамаева кургана, та земля, по которой мы сейчас идем, на многие метры пропитана кровью и пеплом защитников Сталинграда. По этой земле и ходить-то нельзя, святотатство это. Впрочем, все это понимают: люди ходят только по лестнице и асфальтированным площадкам.

Трудно здесь было, очень трудно. Но жизнь есть жизнь, и она брала свое. Мы были молоды, поэтому даже в этом аду ухитрились влюбляться, ревновать, жениться. Со своей супругой я тоже познакомился в дни жесточайших боев. Лида была нашей телефонисткой. Отчаянная была девушка и красивая. Мы вместе сражались в Сталинграде, вместе форсировали Днепр, вместе дошли до Праги. Вернее, даже дальше Праги, почти до Пльзена. И войну мы закончили не девятого мая, а семнадцатого: именно нам было приказано ликвидировать группировку немцев, которая отказалась признать капитуляцию.

В запас я ушел совсем недавно. Много работал с молодежью, был начальником суворовских училищ, военкомом. Но где бы я ни был, куда бы ни забрасывала судьба, самым святым и самым дорогим местом был и будет Мамаев курган.

ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ ЗАХАРОВ. Капитан I ранга. Кавалер ордена Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медали «За боевые заслуги».

— Я прибыл в Сталинград совсем молодым флотским офицером ранней осенью сорок второго года. Города уже практически не было, шли жесточайшие уличные бои, в небе чуть ли не круглые сутки висели немецкие самолеты. А я на своем бронекатере должен был прикрывать переправу. Моряки Волжской военной флотилии работали бок о бок с речниками. Им было еще труднее: тихоходные и совершенно беззащитные гражданские суда часто становились легкой добычей для самолетов. Поэтому мы их прикрывали.

Что такое волжские переправы, какова их роль в ходе Сталинградской битвы — общеизвестно. Но нам, морякам, особенно дорога оценка, которую дал нашей работе В. И. Чуйков. Он писал: «Кто работал на переправах, тот ежеминутно с глазу на глаз встречался со смертью. Нужно было исключительное самообладание и мужество, чтобы переплыть Волгу на видимость врага под его огнем. Такие рейсы приходилось делать не только ночью, но и днем... Особо следует отметить героические дела бронекатеров во второй половине ноября, когда они среди льдов пробивались к изолированным группам Людникова и Горохова, доставляя боеприпасы, медикаменты и вывозя раненых. Можно сказать, что катера доставляли грузы прямо на передний край обороны».

Бронекатер — суденышко маленькое, правда, вооружено отлично. У нас были «катюша», пушка и несколько пулеметов. Так что свою прямую работу мы делали неплохо: сбивали пикировщиков, не давали с самолетов минировать фарватер, вели огонь из реактивных минометов по скоплениям врага. Но однажды мы выполнили беспрецедентную транспортную операцию. В ночь на 16 октября, когда обстановка в городе была критическая, два дивизиона бронекатеров перебросили в Сталинград 138-ю стрелковую дивизию Людника.

Есть на Волге памятник — уникальный плавучий памятник речникам, погибшим на переправах. Ведь тогда здесь затонуло 335 судов и около тридцати военных катеров.

В декабре ударили сильные морозы, и Волга стала. Мы латали пробоины и готовились к новым боям на других реках: все чувствовали, что произошел перелом и немцам из котла не выбраться. Потом наши катера погрузили на платформы и перебросили на Десну. Оттуда мы с боями прошли по Днепру, Припяти, Березине, Западному Бугу, Висле и Одере прямо в канал Гогенцоллерн. Своим ходом — до Берлина!

Позже я служил на Северном и Тихоокеанском флотах, на грозных современных кораблях побывал почти на всех морях и океанах, но на всю жизнь сохранил любовь к маленьким речным бронекатерам, которые сказали свое веское слово на Волге, Висле и на Одере.

НИКОЛАЙ ТАРАСОВИЧ МАЗНИЦА. Гвардии капитан. Кавалер ордена Отечественной войны I степени, медалей «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и других.

— Сперва я скажу, как оказался в Сталинграде — не во время войны, а сейчас. В сорок втором мы, четыре двадцатилетних командира роты, дали клятву: «Во-первых, если во время боя серьезно покалечат, так, что станешь «самоваром», — или застрелиться, или попросить это сделать друга. Для этого держали специальный патрон. А во-вторых, если останемся живы, то после войны должны поселиться в Сталинграде. Так получилось, что в живых остался только я, но клятву выполнил и при первой же возможности переехал в Сталинград.

А начинал я войну командиром взвода знаменитой Первой Гвардейской дивизии Руссиянова. В дивизию прибыл вскоре после боев у Ельни. Досадовал, не пришлось, мол, принять участие в большом сражении. Но впереди были Смоленск, Орел и Щигры. Под Щиграми я в первый раз ходил в штыковую атаку. Причем бой был встречный. Обычно немцы штыковой бой не принимали, а тут решились. Что творилось на том ржаном поле! Крики, стоны, команды, вопли, хруст костей, лязг железа... Один здоровенный немец на моих глазах заколол троих наших ребят. Причем бросал их штыком через себя. Разъярился я и пошел на него. В те годы я много занимался спортом, был очень резкий и юркий. Немец по привычке

тараном пошел на меня. Но я отбил прикладом его штык и по самую мушку всадил в него свой. Тут-то я и узнал, что значит выражение «мертвая хватка». Он так крепко схватил за ствол мою винтовку, что я не смог ее выдернуть. А бой идет! Поднял трофейную винтовку и кинулся с ней в самую гущу. Короче говоря, мы их смяли! Больше немцы в штыковую не ходили. Хлипкие они для этого, духу не хватает!

В конце боя меня шандарахнуло здоровенным осколком в бедро, да так удачно, что прямо по кобуре: пистолет — в лепешку, а нога цела. Правда, посинела. Словом, в госпиталь я все же попал. После выздоровления назначили командиром пулеметной роты в 95-ю стрелковую дивизию.

17 сентября мы прибыли под Сталинград. За три дня до этого немцы взяли Мамаев курган, поэтому той же ночью нас переправили через Волгу. Мы с ходу бросились в бой! Ночной атаки немцы не выдержали и отступили, но утром пошли в контратаку. Я потерял половину роты, но устоял. К исходу дня дивизия очистила Мамаев курган. Моя рота окопалась вот на этом месте. Сейчас здесь стоит грандиозная скульптура «Родина-мать», а тогда были железобетонные водонапорные баки. Вроде бы и хорошо — укрытие, но и плохо: хороший ориентир для самолетов. Ох, и бомбили нас! Особенно тяжело было с 22 по 24 сентября. Земля встала дыбом! Бомбили сверху, била артиллерия, накрывали минометы. Пыль до небес, дым, копоть, смрад. Лезут танки, в полный рост идут полупьяные немцы. Мы их косим, а они идут. Мы их косим, а они идут. По своим трупам идут. Батальон наступал в шесть шеренг. Последнюю мы остановили уже гранатами.

Схлынула эта лавина, показалась следующая. Мы поднялись в контратаку, схлестнулись глаза в глаза! О жизни мы тогда не думали. Хрен с ней, с жизнью! Остановить немцев, не дать пройти, не дать напиться из Волги — и больше ни одной мысли... Столкнули с кургана и эту лавину. Сесть бы, передохнуть. А сесть и негде — кругом одни трупы. Я присмотрелся: по склону течет ручей. Поднялся, чтобы напиться. Зачерпнул ладонями, а это кровь. Я не преувеличиваю — реки крови текли по этим склонам.

Новый воздушный налет. Около моего окопа ухнула бомба «пятисотка». Все думали, что прямое попадание. Решили откопать хотя бы документы, но вытащили меня. Мертвого. Привязали за ноги и поволокли к воронке, где лежали убитые. Пока тащили — новый налет. Санитары разбежались, а бомба попала как раз в ту воронку. От воздушной волны или от чего другого, но мои легкие сработали и я вздохнул. Когда за мной пришли, я уже стоял на ногах. Никто ничему не удивился, на войне и не такое бывало. Дотащился до блиндажа, тяпнул кружку спирта и заснул. И вдруг слышу: в расположение моей роты просочились немцы. Сна как не бывало! Вскочил, схватил два пистолета — и вперед. Нас оказалось четверо,

а немцев пятнадцать. Ничего, почти норма. Поднял ребят в контра-тку. Вы не поверите, но мы уже так многому научились, что ухитрились бегать, лавируя между автоматными очередями. Вдруг минометы! Я — в воронку. Высовываюсь, а из другой воронки, в двух метрах от меня, высовывается немец. Я навожу на него пистолет. Он замер. Я — второй. Он начинает медленно поднимать руки, а в руках автомат. Я решил стрелять. Нажимаю спуск — щелчок. Нажимаю второй — тоже щелчок. Патроны кончились в обоих пистолетах. Тогда я с размаху запустил пистолет ему в морду. Хоть немцу и попало, но он в упор прошил меня из автомата. Я, правда, успел нырнуть под очередь. И все же левую руку, как отсекло: перебило все нервы, сосуды и сухожилия.

Крови ушло так много, что меня решили переправить на левый берег. И надо же, в наш катер прямое попадание снаряда. Хоть я и был без сознания, в воде оклемался. Барахтаюсь, пыхчу. Чую, кто-то тянет за шиворот. Это с соседнего катера меня выволакивали багром.

Не буду рассказывать, как хотели ампутировать руку, как я сопротивлялся, как делали множество операций. Короче говоря, из госпиталя я вышел в марте сорок третьего.

А в Сталинград смог приехать лишь через тринадцать лет. Тогда я служил под Новосибирском: семья, налаженный быт и все такое прочее. Но не давала покоя клятва, данная на Мамаевом кургане. Ни спать, ни есть, ни работать не мог — тянет в Сталинград, и все! Плюнул на все и махнул сюда. Так я стал сталинградцем, считаю, что коренным. Ведь мои корни, моя кровь — здесь, на Мамаевом кургане.

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОСОХИН. Подполковник. Герой Советского Союза. Кавалер ордена Ленина, Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медали «За боевые заслуги» и других.

— Говорят, что донской казак рождается под конем и умирает на коне. А вот я, хоть и коренной казак, всю жизнь в артиллерии. До войны, правда, успел поработать бригадиром полеводческой бригады, потом окончил зооветеринарный техникум, а когда призвали на действительную, вместо кавалерии направили в Киевское артиллерийское училище. Думаю, потому, что артиллерия тогда была на конной тяге.

Первый бой — под Киевом. Мы тогда отступали, и надо было прикрывать отход наших войск. А чем прикроешь, если танки лезут изо всех щелей. У меня же половина лошадей перебита, расчеты тоже понесли потери, да и снарядов в обрез. Но мы засели в большущей яме. Для артиллерии это нелепо и противоестественно: немцы-то наверху, в пшеничном поле. Но моя батарея 122-миллиметровых гаубиц так врезала снизу вверх по этому полю, что довольно долго там в прямом смысле слова стояла мертвая тишина.

Так, с боями мы дошли до Сталинграда. В августе меня назначили командиром дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. Мы стояли чуть северо-западнее города и без конца молотили по немцам. Наша задача: вызвать огонь на себя, отвлечь как можно больше сил от 62-й и 64-й армий. Потом нас перебросили в район станицы Клетской для участия в прорыве. Какой страшной силы мы нанесли удар! Любопытное смотреть, как драпала самоуверенная фашистская солдатня! 23 ноября я был в хуторе Советском: именно там соединились Сталинградский и Юго-Западный фронты. Вот был денек! Никогда мы так не радовались, никогда так явственно не чувствовали, что отныне сила за нами и будем мы идти вперед и вперед до самого Берлина.

Но замкнуть кольцо — полдела. Надо не дать его прорвать и добить все, что осталось внутри. Удерживали другие, мы добивали. 26 января дивизион ворвался в Сталинград... Так мы дошли до вокзала. И тут я узнал, что в подвалах универмага засел штаб Паулюса. Когда получил приказ открыть огонь по универмагу — нужно было помочь Паулюсу поскорее принять наш ультиматум, — такие послал подарки, что последние сомнения покинули его быстро.

Впереди было почти два с половиной года войны, впереди была Курская дуга, битва за Днепр, где я получил Золотую Звезду Героя, потом Сандомирский плацдарм, форсирование Одера и, наконец, штурм Берлина. В Берлине шли такие же яростные бои, как в Сталинграде. И снова в уличных боях впереди были наши гаубицы. Как пригодился тогда сталинградский опыт, как часто мы вспоминали, что зря победы занялась под Москвой, а ее истинный свет мы увидели в разрушенном дотла Сталинграде.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ПРОХОРОНКО. Гвардии сержант. Наводчик «катюши». Кавалер ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и других.

— Когда началась война, мне было всего семнадцать. Правда, я уже окончил ФЗО и работал на судовой верфи. С июня сорок первого переключились на танки — я занимался установкой моторов. И вдруг появляются какие-то диковинные машины — на первый взгляд обыкновенный грузовик, только с полозьями вместо кузова. Мы их ремонтировали, латали, приводили в порядок. И все в обстановке строжайшей секретности. В конце концов дознались — это были знаменитые «катюши».

Я знал, где стоит штаб полка. Когда немцы подошли к Сталинграду, пошел к командиру и заявил, что хочу воевать на «катюшах», причем только в разведке. Он улыбнулся, потом подозрительно прищурился: почему, мол, решил осласливать именно нашу часть и откуда ты, пацан, вообще знаешь о «катюшах»? Я честь по чести рассказал, что уже почти год только и делаю, что ремонтирую реактивные установки. Командир обрадовался: очень хорошо, такие ребята нам нужны, ремонт на передовой — тоже серьезное дело. Но

я уперся: ремонтом сыт по горло, хочу воевать, причем в разведке! Командир махнул рукой: валяй, в разведке так в разведке.

Я думал, что разведчик только и делает, что ползает за «язычками», а мне дали стереотрубу, усадили на бугре и сказали: «Следи за дорогой и полем. Появятся немцы, только, чтобы много немцев, звони по телефону». «И все?» «И все!» Час сижу, два, три... Жара. В глазах рябит. Миражи крутятся. Но вот один мираж превратился в колонну грузовиков, набитых солдатами. Рядом — танки с крестами на бортах. Протер глаза — нет, не мираж. Позвонил. Мне сказали: молодец, и велели поглубже закопаться в землю. Когда гул и грохот прекратились, выбрался из окопа. Смотрю, а дорога пустая. Что-то дымится, что-то догорает, а колонны как не было!

Впервые увидев действие «катюш», я так уверовал в это грозное оружие, что начисто забыл о разведке. Через два месяца стал наводчиком. Наш полк стоял в Кировском районе и защищал южные окраины города. Немцы не раз пытались прорваться через наши позиции, бросали большие массы пехоты и танков. А нам только этого и надо! Как жажнем всем полком — одни головешки оставались.

В основном мы работали по ночам. Приходилось, правда, и днем, но это было рискованно: самолеты гонялись целыми стаями за каждой машиной. А когда началось наступление, нас выдвинули на самое опасное направление — надо было остановить танки Манштейна. Остановили — так остановили, что этих танков просто не стало.

И тут случилась беда — меня ранило. То, что руку перебило, куда ни шло. Ослеп я. Совсем ослеп. Даже медаль «За отвагу», которую мне вручили, не видел. Потрогал, погладил — и то ладно. Трудно представить, что это значит — потерять глаза в восемнадцать лет. Я воспринимал это, как конец жизни — ни больше ни меньше. Обдумывал, как получше покончить с собой. На передовой это не проблема, а вот в госпитале... Пока я думал, врачи предложили какой-то новый способ лечения, но предупредили, что будет очень больно. Было действительно больно, но в обморок ни разу не шлепнулся. В конце концов привели в темную комнату и сказали, что сейчас снимут бинты. Вот тут-то я сдрейфил по-настоящему: а вдруг все муки понапрасну?! Не успел опомниться — что-то как резанет по глазам. Ура-а! Вижу! Электрическая лампочка! Правда, оказалось, что видел я левым глазом, а правый омертвел. И все же я вернулся на фронт. С одним глазом и покалеченной рукой воевал на «андрюше» — это брат «катюши». Брал Будапешт, Вену, Бухарест, Белград.

Вернулся домой. В двадцать два года — инвалид без всякой профессии. О том, чтобы вернуться на завод, не могло быть и речи. Дело прошлое, но сначала я скис. Жалеть себя начал. Потом, правда, собрался, встряхнул себя за шиворот и стал учиться... на часового мастера. С сорок седьмого работаю в Кировском районе — в том самом, где воевал. За эти годы стал кавалером ордена Октябрьской

Революции и Трудового Красного Знамени. А недавно присвоили звание «Заслуженный работник бытового обслуживания РСФСР».

В трудовой книжке у меня всего две записи: слесарь судоверфи и мастер-часовщик. Но самая главная запись — та, которой больше всего горжусь, — в сердце и воинском билете: наводчик реактивных минометов.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КРАСЮКОВ. Старшина. Сапер. Кавалер трех орденов Славы, ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и других.

— Я тоже сталинградец, тоже семнадцатилетним встретил войну, тоже работал на судоверфи, а с 16 июля сорок второго года — в строю. Боевое крещение у меня было жестокое. Дали нам, мальчишкам, винтовки, по две обоймы патронов и приказали выбить немцев с высоты. Мы встали в полный рост и с криками «За Родину! За Сталина!» побежали на пулеметы. Залегли. Нас накрыли минометами. Короче говоря, высоту мы не взяли, а из трехсот мальчишек осталось десять.

Раскидали нас кого куда. Я попал к саперам. К минам меня подпустили не сразу. Сперва заставили как следует изучить винтовку и автомат, в том числе и немецкий, потом стали брать на установку минных полей: правда, с минами работали опытные солдаты, а я таскал им кашу. Впервые пошел без каши в ночь на 19 августа: мы устанавливали мины на танкоопасном направлении в районе реки Червленной. Утром на нас пошло сто танков. И как начали подрываться один за другим — красота! Пришлось им свернуть в болото... Появилась румынская кавалерия. Ну, тут уже подсустились «катушки» — накрыли и танки и кавалерию.

Потом нас перебросили на Лысую гору. В те дни 64-я армия непрерывно наступала, чтобы отвлечь как можно больше сил от 62-й армии, которой приходилось особенно туго. Саперам работы невпроворот. Мы снимали немецкие мины, ставили свои, подрывали доты и дзоты, чуть ли не подползали под танки... Но больше всего я любил сражаться в составе штурмовых групп. Ребят туда подбирали самых крепких, башковитых и отчаянных. Был даже разработан специальный устав штурмовой группы. Мне кажется, и язык и содержание устава говорят о многом:

«1. Вооружение бойца. Автомат, ручная граната и нож.

2. Поведение в бою. Смелость, быстрота, смекалка и дерзость.

3. Действие. Врываешься в дом вдвоем — ты да граната. Граната впереди, ты — за ней. Гранату в угол, очередь по потолкам, по стенам — и иди дальше! Дверь заперта — подвесь гранату; граната вышибает дверь, ты вышибай врага.

Захватишь здание, не давай врагу опомниться, штурмуй следующее. Фашист засел в подвале — бутылку с горючим туда, струю огнемета — выскочит!»

Именно таким способом мы выкуривали фашистов из знаменитого опорного пункта «13 домиков». Немцы выскакивали на мороз в одних кальсонах и галопом мчались в плен.

А однажды к нам обратились товарищи, которые из агитмашины вели радиопередачи, призывая немцев сложить оружие. Как только динамики оживали, фашисты открывали ураганный огонь — хоть в небо, лишь бы заглушить передачу. Тогда мы сделали огромный портрет Гитлера, втащили в нейтральную зону и там установили во весь рост. Немцы, видно, обалдели от такого зрелища. Во всяком случае, агитмашина спокойно вела передачу под самым их носом, расположив динамики у портрета. И лишь когда передача закончилась, немцы, как видно, получив разрешение высшего командования, открыли ураганный огонь по своему фюреру. Мы их только подбадривали и желали точных попаданий.

Говорят, сапер ошибается один раз в жизни. Я ошибался много раз — ведь у фашистов было много мин со всевозможными сюрпризами, но, к счастью, в самый последний момент успевал исправить свои ошибки. Поэтому мои ранения и контузии не оттого, что что-то взрывалось в моих руках, а от бомбежек и артналетов.

После войны, когда зажили раны и перестала кружиться голова, я почему-то привязался к детям. Может быть, потому, что им, оставшимся без отцов, а то и без матерей, было труднее всех. Сколько их было в Сталинграде, маленьких старичков с остановившимися глазами! Ведь многие из них пережили ужасы уличных боев, у многих на глазах фашисты насилывали и расстреливали матерей, были ребятишки с татуировками концлагерей. Короче говоря, я взял этих ребят под свою опеку и двадцать пять лет был начальником пионерлагеря имени 81-й гвардейской дивизии. А потом стал помощником начальника штаба поста № 1. Кто бывал в Волгограде, конечно же, видел ладных, подтянутых мальчиков и девочек с автоматами на груди, которые в почетном карауле стоят у Вечного огня. Эти ребята — лучшие из лучших, попасть в их число — для школьника большая честь. Ну, а мы, участники Сталинградской битвы, делаем все возможное, чтобы юные волгоградцы знали и любили свой город не только таким, каким они видят его каждый день, но и таким, каким видели его мы, можно сказать, тогдашние их ровесники.

* * *

Мы медленно спускались по ступеням Мамаева кургана. Тихо звенели медали, сияли ордена, поблескивали слезы... Я шел рядом с людьми, которые, не таясь и ничего не приукрашивая, рассказали о себе и своих товарищах, о том, что они вынесли на своих юных плечах, о том, как мужали в боях и с победой вернулись домой. Как я был благодарен судьбе за то, что она свела меня с настоящими

сталинградцами, которые пронесли это высокое звание через всю жизнь!

А навстречу — поток людей. Шли туристы, школьники, молодежь, шли группами и парами, шли, взявшись за руки, и поодиночке. И все они расступались, уступая дорогу рано поседевшим ветеранам. А под ноги попеременно с пожелтевшими листьями падали живые цветы, привезенные из самых разных уголков России.

НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ

Курская битва... Сколько лет прошло со времени этого великого сражения! Но память о нем жива и поныне. Ведь это была одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны. Тогда, в июле — августе 1943 года, немецкое командование пыталось любой ценой добиться реванша за поражение под Сталинградом. В районе Курской дуги фашисты сосредоточили 900 тысяч солдат и офицеров, 2700 танков, 10 тысяч орудий и минометов, свыше двух тысяч самолетов.

Враг рассчитывал окружить советские войска, уничтожить их и тем самым открыть себе путь на Москву. Но командование Красной Армии сумело распознать планы гитлеровцев и противопоставило им свыше 1,3 миллиона солдат и офицеров, 20 тысяч орудий и минометов, 3500 танков и самоходных артиллерийских установок, более трех тысяч самолетов. Эти цифры говорят о многом: впервые в истории войны наши войска превосходили врага в живой силе и, что очень важно, в технике.

В ходе гигантского оборонительного сражения, а затем контрнаступления Красная Армия уничтожила более полумиллиона гитлеровцев, многие тысячи орудий, танков и самолетов. Именно здесь, под Курском, Белгородом и Орлом, был сломан хребет гитлеровской Германии, и ее войска навсегда утратили стратегическую инициативу.

Летят годы, идут десятилетия... Но в памяти людской те дни святы. Именно поэтому почти в каждом селе, а то просто на перекрестке дорог или в поле можно встретить обелиски, памятники, курганы и братские могилы. Сколько их, сынов всех народов Советского Союза, лежит здесь!

Я видел, как к этим могилам тянутся пропыленные цепочки пионеров. Я видел студентов из строительных отрядов, которые пилотками и горстями носили землю на памятный курган. Я видел пожилых женщин и седобородых стариков, которые выходили из поезда на маленьком полустанке, а потом под палящим солнцем шли к какой-нибудь могилке, на которой ни фамилий, ни имен, а только номер полка, расстилали чистое полотенце, доставали немудреную закуску и по старому русскому обычаю поминали сына, который пропал без вести и, быть может, лежит здесь...

Много, очень много братских могил и памятников в России. И все они самая дорогая и святая частица нашей жизни.

Я не раз бывал вместе с участниками боев там, где гремела Орловско-Курская битва. Мы бродили по полям, высоткам и холмам, где стояли их орудия, где они ходили в танковые и штыковые атаки, где были расположены их аэродромы. И мой рассказ о тех эпизодах и операциях, в которых они принимали непосредственное участие.

Ночной поиск

«В течение ночи на 5 июля на фронте ничего существенного не произошло».

(От Советского Информбюро)

Двенадцать пар глаз неприязненно следили за луной. Еще полчаса назад была ночь как ночь — невозможно отличить куст от человека. Разведчики приготовились к броску, и вдруг — луна! Пришлось ждать хоть какого-нибудь облачка. Наиболее нетерпеливые начали ворчать: «Ночь, мол, и без того короткая, а мы даже не вышли к переднему краю. Когда же работать-то?»

Можно бы применить власть и дать приказ прекратить разговоры, но начальник разведки 15-й Сивашской дивизии капитан Савинов прекрасно понимал, что перед операцией нельзя прикрикивать на ребят.

— Мало нашего брата погибло?! Каждую ночь теряем два-три человека, а «языка», хоть тресни, нет! — терпеливо объяснял он. — Куда ни совались, фашисты ждут в засаде. Нет, братки, к переднему краю надо выйти скрытно, чтобы ни одна душа не видела.

Наконец набежало облачко, и разведчики двинулись. Вот и передний край. Залегли в окопе. Метрах в восьмистах высота 256-«шапка». Оттуда все наши позиции как на ладони. Укреплена «шапка» так, что подступиться к ней невозможно. А «язык» нужен позарез! Вчера к разведчикам приезжал командующий армией генерал Пухов и попросил — не приказал, а именно попросил — добыть «языка», иначе можно прозевать начало немецкого наступления. Тогда капитан Колесов предложил идти на высоту не справа или слева, как это делали до сих пор, а прямо в лоб. «Там немцы еще не пуганы! И такого нахальства от нас, конечно, не ждут» — сказал он.

Больше суток провел Колесов на переднем крае и заметил, что каждый вечер фашисты выставляют «ночника»-пулеметчика.

Как назло, пулеметчик молчал: то ли задремал, то ли его вообще не было. Подождали... Вот луна нырнула в тучку, и тут же с высоты резанули пулеметные очереди. «Порядок!» — успокоились разведчи-

ки. Лейтенант Милешников пополз вперед, за ним остальные. Когда миновали заросшую высоченной травой пойму, за дело взялись саперы: сделали проход в минном поле. Первыми туда пошли «глаза и уши» разведгруппы — самые зоркие и чуткие. И вдруг дозорные замерли. Милешников подполз к ним и шепотом спросил:

— Что случилось?

— Слышу шорох.

— А я вижу силуэты.

Загремели автоматы, загрохотали гранаты. Через несколько секунд все было кончено. Но вот ведь беда — ни одного живого фашиста! И до пулеметчика теперь не добраться... И вдруг в тишине раздался радостный крик:

— Ребята, есть живой немец!

Фашисты сразу же открыли огонь из пулеметов и минометов, но их накрыли наши артиллеристы.

Вернулись разведчики без потерь, хотя на обратном пути прикрывали собой пленного. Прямо на передовой капитан Савинов начал допрос:

— Имя, фамилия, подразделение? — спросил он.

— Сапер шестой пехотной дивизии.

«Вот так штука! — удивился Савинов. — Ведь перед нами стояла восемьдесят шестая».

— Что делали на «ничейной земле»?

— Проходы для танков. Утром будем наступать! «Тигры» сомнут нашу оборону, и через день наши войска будут в Курске! Нам даже выдали специальный запас водки и еды, чтобы отметить взятие города, — заявил он.

Через полчаса пленного доставили в штаб дивизии, а оттуда на командный пункт командующего Центральным фронтом К. К. Рокоссовского.

*«В третьем часу утра К. К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов и доложил, что захваченный пленный, сапер 6-й пехотной дивизии, сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось — 3 часа утра 5 июля. В 2 часа 20 минут я отдал приказ о начале контрподготовки. Все кругом закружилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги» *.*

Г. К. Жуков

**(Здесь и далее — отрывки из книги Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления».)*

Укротители «тигров»

Батальон капитана Михеева стоял под Ольховаткой. В ночь на 5 июля он получил приказ готовиться к контратаке в боевых порядках пехоты. Заправились горючим, пополнили боекомплект и... на всякий случай вырыли глубокие капониры. Не все понимали молодого капитана: получен приказ о контратаке, а он закапывает танки! Но Михеев знал, что делал. С первого дня войны он отступал с боями из-под Львова и понял, что хоть танк и бронированная машина, а для артиллеристов и особенно летчиков — отличная мишень. Поэтому он взял за правило: до поры до времени не высовываться.

Когда загрохотали пушки и запели «катюши», танкисты и пехотинцы приготовились к атаке.

Закончилась артподготовка, но приказа идти вперед не было. Прошло полчаса... Час... Два... Наступила прямо-таки довоенная тишина. Где-то даже тренькнул соловей. И вдруг из-за горизонта послышался гул моторов. Потом он перешел в рев. Все небо закрыли гитлеровские самолеты... Один за другим они сваливались в пике и сбрасывали бомбы. Какой-то «мессер» пролетел так низко, что зацепил крылом маскировочную сеть, и целая батарея оказалась как на ладони.

Танки Михеева засыпало по самую башню. Стволы пушек засорены землей, прицелы сбиты, люди оглушены. Но ни один танк не разбит! А когда с холма лавиной покатились фашистские машины, Михеев спокойно приказал прочистить орудия, привести в порядок триплексы и прицелы.

В бинокль хорошо видно построение атакующего каре: впереди и на флангах — тяжелые «тигры», в середине — «пантеры» и самоходные орудия «фердинанд». Танки шли, не открывая огня, «фердинанды», выскакивая на бугры, вели беспорядочную стрельбу. «Хотите, чтобы мы себя обнаружили, а «тигры» нас засекли и расстреляли в упор? — усмехнулся Михеев. — Ни черта у вас не выйдет!» Михеев знал, что и пушки, и броня «тигра» мощнее, чем у «тридцатьчетверки». Единственный выход — подпустить бронированную стаю поближе и бить в упор.

Когда до «тигров» осталось метров пятьсот, Михеев приказал открыть огонь. Тут же вспыхнули три танка. Из-за них выползли другие, подставили борта — и загорелись. Вот уже десять... пятнадцать факелов на поле. А танки все лезут и лезут!

А совсем рядом, у деревни Самодуровки, стояла насмерть батарея капитана Игишева. Девятнадцать танков сожгли артиллеристы, все погибли, но врага не пропустили!

«В течение 7 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с противником, продолжавшим

наступление крупными силами танков и пехоты... Нашими войсками за день боев подбито и уничтожено до 520 немецких танков. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 229 самолетов противника».

(От Советского Информбюро)

Поныри... Есть такое место на Курской земле. Железнодорожная станция. Небольшой городок. А вокруг — зеленые, холмистые поля. Теперь Поныри вошли в историю русского народа как поле Куликово, как Бородино... И, как об этих полях, о Понырях написаны стихи, рассказы и поэмы. А слова из поэмы Евгения Долматовского высечены на обелиске — памятнике героям-саперам:

Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек,
Здесь русский человек стоял,
Советский человек.

Триста фашистских танков прорвалось на этом участке. Их не смогли остановить ни пушки, ни «тридцатьчетверки». И тогда против бронированных чудовищ вышли люди. Они шли налегке. Чтоб ловчее работать, многие сняли сапоги и гимнастерки. Одни ползли по чистому полю, открытые всем пулям и снарядам. Другие выскакивали из-за бугров и редких кустиков. Третьи поджидали в воронках...

А когда до танка оставались считанные метры и он не мог свернуть, перед ним появлялся солдат, не защищенный никакой броней, кроме отваги. Единственным его оружием была противотанковая мина. И «тигры» подрывались один за другим... Триста танков! Страшно подумать, какая это сила! Но саперы ее остановили.

На другом конце поля, между Ольховаткой и Самодуровкой (теперь это село называется Игишево), — памятник героям-артиллеристам, сооруженный еще осенью 1943 года. Высокий обелиск и рядом — постамент. На нем стоит 76-миллиметровое орудие № 2242, из которого вел огонь капитан Игишев.

А в самих Понырях — братская могила, в которой захоронено 2385 солдат и офицеров, в том числе четыре Героя Советского Союза.

Потом В. Д. Михеев повел нас прямо в поле. Он показал, где стоял его батальон в обороне, откуда двинулся в наступление, где танки шли лоб в лоб.

— Из-за этого холма мы пошли в контратаку, — вспоминает он. — Впереди — сплошной вал огня. Но мы прорвались. Проскочила и пехота. В траншеях рукопашная, а мы давим и расстреливаем пулеметы. Вдруг вижу, горит один наш танк. К нему бежит санинструктор Маша. Откинулся люк, и ребята выскочили на землю. Но из-за

бугра ударил крупнокалиберный пулемет и срезал танкистов. Упала и Маша. Тогда я велел механику-водителю так к ней подъехать, чтобы девушка оказалась между гусеницами. Через десантный люк мы втащили ее в танк, забинтовали простреленное бедро — и снова в бой.

Только я уничтожил тот самый пулемет, закрутился на месте еще один наш танк: перебило гусеницу. Экипаж выскочил наружу и начал натягивать новую, а их прикрывала другая «тридцатьчетверка». Представляете, какая хорошая мишень — два неподвижных танка? Расстрелять ничего не стоило! Но немцы пожадничали и решили взять их целыми. Ребята отстреливались до последнего момента. А когда фашисты оказались совсем рядом, на них ринулись оба танка...

Вот в этой лощине была такая теснота, что стреляли буквально в упор — метров с двадцати. А когда кончались снаряды, шли на таран. В азарте боя не замечали ни ожогов, ни ран. Выскакивали из подбитых танков, садились в целые, а то влезали в немецкие — и снова бросались в бой... От моего батальона осталось всего три танка! Но свою задачу мы выполнили: выстояли в обороне, а потом пробрили брешь, в которую устремились наши войска.

Сорок лет прошло. Сорок лет — ведь это же целая жизнь, а я никак не остыну от тех страшных дней! — изо всей силы ударил кулаком в собственную ладонь бывший комбат. — Потерять почти весь батальон! Ведь это же тридцать семь танков, сто сорок восемь прекрасных парней! Я знаю, в том, что они погибли и что не смог их сберечь, моей вины нет, и все же не могу отделаться от мысли, что можно было их спасти. Ведь я же цел! Не заговоренный же я от пули, а не брала не то что пуля, снарядам «тигров» был не по зубам. Значит, тут что-то другое... Может быть, я чувствовал, куда полетит снаряд и вовремя отворачивал танк в сторону? Но этому можно было научить весь батальон. А я не научил... И вот горят ребята вместе с танками, горят на моих глазах, а я ничем не могу помочь! Вы никогда не видели, как полыхают танки? А как горят люди?.. Ничего нет страшнее, когда в танке начинают взрываться боеприпасы. Чудовищная сила распирает его изнутри, броня вздувается пузырями, лопается, рвется на части. Броня! А что же люди?! Я вытаскивал останки разорванных в клочья друзей, а если случалось, что танк на ходу, садился в еще теплое сиденье и бросался в бой. Ненависти у меня не прибавлялось, ее и так было через край, но во мне еще больше прибавлялось дьявольской хитрости, изворотливости: я знал наперед, в какую лощину спрятаться, а какую проскочить, когда стрелять с ходу, а когда притормозить. Я даже успевал чуть-чуть отвернуть танк, когда «фердинанд» стрелял в лоб, — и снаряд рикошетом отлетал в сторону. Нет, все-таки никто не погибает зря! Живым остается самое ценное — их боевой опыт. Во всяком случае, с годами я стал думать именно так. Да и живы мы только потому, что этот опыт доставался самой дорогой ценой — кровью наших друзей, — убежденно закончил полковник в отставке В. Д. Михеев.

И снова «тигры»...

На роту лейтенанта Стороженко навалилось сто танков! «Тигры» и «пантеры» шли открыто, не маскируясь. То ли они полагались на толщину брони, то ли знали, что против них всего несколько «тридцатьчетверок»...

От этой неторопливости и уверенности в безнаказанности многие приходили в бешенство: хотелось нажать на рычаги, броситься навстречу и схлестнуться в ближнем бою! Но это верная смерть. Нет, в бою с противником, превосходящим в десять раз, нужна не только удача, но и смекалка! Этому Стороженко научился в легендарной бригаде Катукова, когда они не пропустили к Москве танковую армию Гудериана.

Осталось восемьсот метров... Можно стрелять. Но Стороженко сдержался. «Вперед — овражек. Чтобы его обогнуть, немцам придется развернуться и подставить борта. Только бы выдержали ребята! Ведь в танках немало молодых, необстрелянных парней».

Вот и овраг. «Тигры» нехотя отвернули вправо. «Пора», — решил Стороженко и скомандовал: «Огонь!» Раздался залп, другой, третий... Все решает скорость стрельбы. Молодцы, ребята. Четыре секунды — выстрел! Перед оврагом полыхают пять факелов. Десять! Хотелось бить и бить по бестолково метавшимся танкам. Но Стороженко заметил, что «фердинанды» и часть «тигров» перестроились в боевой порядок и стволами прощупывают высоту. «Полный назад!» — скомандовал он. Все десять танков задним ходом рванулись за гребень холма и скрылись на его обратном скате. И вовремя! Фашисты открыли ураганный огонь по капонирам, где только что стояли «тридцатьчетверки».

Пятнадцать атак предприняли в тот день фашисты! Двадцать девять танков догорало на ржаном поле, девять из них подбил экипаж лейтенанта Стороженко.

«Подтянув резервы и перегруппировав свои силы, противник ввел в дело новую сильную группировку танков. При этом основная их масса была брошена против 6-й гвардейской армии и 1-й танковой армии в направлении Обоянь — Прохоровка».

Г. К. Жуков

Приказ был коротким: двумя ротами выступить против танков противника. «Двумя неполными ротами», — отметил про себя лейтенант Стороженко и внимательно осмотрел все шестнадцать танков. Многие уже побитые, обгорелые, на броне вмятины от снарядов. В экипажах немало раненых, обожженных.

— Отступать нам некуда, — сказал Стороженко. — Стоять на-смерть!

Стоять насмерть! В дни Курской битвы эти слова были привычными. Все знали: надо любой ценой выстоять.

Все видел Стороженко: горел в танке, схоронил немало товарищей, выходил один против десяти «пантер». Но когда сосчитал движущуюся на него армаду, стало не по себе — сто восемьдесят «тигров», «пантер» и «фердинандов»!

Лавина катилась прямо в лоб. Встречный бой явно не выиграть. И Стороженко решил перехитрить немцев. Шесть танков атаковали фашистов с фланга, а десять остались в засаде. Сначала немцы не обратили внимания на эту атаку, но, когда одна за другой загорелись несколько «пантер», лавина развернулась и двинулась на «тридцатьчетверки». Этого и ждал Стороженко! Тут же из засады ударила вся рота!

Четыре с половиной часа продолжался бой. Тридцать шесть танков оставили фашисты на поле и отхлынули назад. Но на этом они не успокоились и, получив подкрепление, двинулись в обход оврага. Здесь их встретил 209-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион. «Сорокапятки» стояли на открытом месте. Фашисты знали, что это не такие уж мощные орудия: «тигра» могут взять только в упор, да и то сбоку. И танки двинулись прямо на дивизион.

А тут еще появились самолеты... После бомбежки от пушек, казалось, ничего не осталось. Но когда танки подошли на дистанцию прямого выстрела, «сорокапятки» заговорили одна за другой. Завертелся на месте один «тигр», второй, третий... Артиллеристы били по гусеницам. Но танков было много, очень много, и они упрямо лезли вперед.

Оглушенные, контуженые, раненые орудийцы и не думали отступать или менять позицию. Никто не дрогнул, не спрятался в окоп, не ушел от пушки. А если кто-нибудь на мгновение терял голову от страха, если казалось, что наступил конец и больше нет сил наводить орудие или подносить снаряды, он оборачивался на правый фланг, туда, где стояла пушка Николая Соломахи. Там, между окопчиком с боеприпасами и орудием, сновала тоненькая девичья фигурка. Черт его знает, откуда у этой девчонки столько сил! Как она вообще попала в артдивизион, как таскает снаряды?! Как выдерживает бомбежки и танковые атаки?! Да еще помогает раненым.

Если б кто знал, сколько пришлось пережить семнадцатилетней Нине Букреевой, сколько она хлебнула горя, пока в ее селе бесчинствовали немцы, сколько было расстреляно родственников и одноклассников, то понял бы, что у Нины свой, личный счет к фашистам.

Уже в конце сорок второго до их деревни дошли слухи о зверствах, чинимых гитлеровцами в Михайловском районе. Говорили, что фашисты загоняют в сараи женщин, стариков, детей, забрасывают их гранатами и сжигают. Этому не верили. Вернее, боялись верить. Ведь это же дикая бессмыслица — убивать стариков и годовалых ребятишек!

Да, бессмыслица! Да, дикая! Но это была планомерная деятельность оккупантов. Весь мир знает о трагедии французского Орадура, чехословацкой Лидице, белорусской Хатыни. Я расскажу о том, что произошло на курской земле, в деревеньке Большой Дуб.

В Михайловском районе действовал крупный партизанский отряд под командованием А. Т. Кожина. Каратели были против них бессильны. Тогда небезызвестный Адольф Хойзингер разрабатывает операцию «Белый медведь». Вот ее итоги: карателями сожжено восемнадцать деревень, расстреляно пятьсот двадцать мирных жителей. В деревнях Холстинка, Погорелое, Звезда и Большой Дуб население уничтожено поголовно.

...В двух с половиной километрах от оживленной трассы Железнодорожск — Киев стоит скромный памятник: скорбящая женщина и мальчик в форме суворовца.

Я видел, как сюда сворачивают переполненные автобусы, «Жигули», «Москвичи», самосвалы с рудой... Они притормаживают в сторонке, глушат моторы, и к памятнику люди идут пешком. Вокруг такая пронзительная тишина, что ее просто невозможно нарушить. «Здесь похоронены мирные жители поселка Большой Дуб, расстрелянные и заживо сожженные 17 октября 1942 года немецко-фашистскими карательными войсками» — написано на постаменте. То же самое выбито с другой стороны, только название поселка — Звезда.

Убивали людей целыми семьями. Пятеро Алешкиных, шестеро Агафонкиных, семеро Мясюговых, девять Кондрашовых, одиннадцать Федичкиных, тринадцать Ворониных... Здесь же возраст. Алешкины: дед с бабкой и трое внуков, старшему шесть, младшему один годик. Федичкины: дед с бабкой, дочери и шестеро внуков, младшему два года. Кондрашovy: тоже старик и старуха, внуки: младшему один годик.

Рядом с памятником — погребка, в которые фашисты загнали всю деревню, забросали гранатами и сожгли. Каратели думали, что свидетелей их злодеяний нет. Но еще живы люди, которые все видели и все помнят! Надежда Тимофеевна Дугинова успела спрятаться в огороде. Она видела, как повесили ее мужа, как расстреляли детей, но не шелохнулась, словно окаменела от горя. Видела, как бежала по улице соседка Мария Новосельцева с внуком на руках, — их сразила автоматная очередь. Видела, как пятилетний Ванюша Алешкин спрятался в бочке с водой. Когда кончился воздух и он вынырнул, его схватили, пристрелили и швырнули в погреб, где уже полыхал огонь.

Сорок с лишним лет минуло с того страшного дня. Многого забылось, отболело... Но как забыть слезы старух, бессильные проклятья стариков, детский плач и крик?! Как забыть треск автоматов, взрывы гранат, хохот фашистов, гул пламени и раздираю-

щий душу вопль Ванюши Алешкина, когда его, мокрого и трясущегося, вытаскивали из бочки, когда к его крохотному сердцу подносили пистолет?!

Скромный памятник. Погребка. Сморщенные, покореженные яблони, которые все видели. Стоят в сторонке люди — старые и молодые, стоят и плачут, не скрывая слез... Вот из автобуса вышла группа болгар, которые работают на строительстве Михайловского горно-обогатительного комбината. Совсем молодые парни и девчата! Прочитали надписи на постаменте, стали на колени и... запели.

Я никогда не слышал этой мелодии, не понял слов, да и хор был не очень слаженный. Но удивительно чистая и скорбная мелодия, прерываемая рыданиями, так схватила нас за сердце, так нам вдруг стало горько и больно, что мы тоже стали на колени... Кто знает, что мы чувствовали, но, кажется, никогда не любили свою землю так сильно, как в тот миг, никогда так ясно не понимали, что вот эта деревенька Большой Дуб и есть наша многострадальная, политая кровью Родина, за которую до последнего патрона дрались наши отцы и братья, за которую отдавали жизни даже дети!

— Как хорошо, что я пошла в артиллерию, как хорошо, что сама, вот этими руками, убивала фашистов и мстила за Ванюшу Алешкиных! — отряхивая с колен камешки, сказала Нина Сергеевна Букреева. — Мне предлагали стать связисткой, санинструктором, но я хотела получить оружие, из которого можно убивать! Устроили испытание: посадили в окоп и прямо на меня пустили «тридцатьчетверку». Я успела бросить гранату под гусеницы, а когда танк прошел надо мной, еще и в корму. Так я стала противотанкистом... А в том бою, под Прохоровкой, мы все-таки сдержали танки: часть подожгли, часть повернула назад.

Ни шагу назад!

«На Орловско-Курском направлении противник за четыре дня наступления понес тяжелые потери в танках, живой силе и не добился успеха... Усилив потрепанные соединения, немцы с утра предприняли ряд ожесточенных атак. Завязались упорные бои, часто переходящие в рукопашные схватки».

(От Советского Информбюро, 9 июля)

Сахарный завод под Яковлевкой... Это место вошло в историю Курской битвы. За него сражались целые батальоны. Но на территории самого завода в развалины врос взвод автоматчиков Ильи Непочатых. Даже в те дни, когда откатывались наши танки, когда отходила артиллерия, автоматчики не бросали завода. Дрались

в окружении. Отстреливались до последнего патрона. Ходили в контратаки, возвращались с трофейным оружием и били немцев из их же автоматов.

С танками было хуже. Два противотанковых ружья не такая уж большая сила, но свое дело они делали. Главное, остановить танк, а там в ход шли бутылки с горючей смесью. Один остановили совсем невероятным способом — шинельной скаткой. Она угодила в зуб ведущего колеса, да так удачно, что гусеница соскочила! «Пантера» завертелась на месте и тут же вспыхнула, подожженная бутылками.

В ночь на девятое июля фашисты прекратили атаки. По ночам они вообще не воевали: выставляли дежурный пулемет, и он постреливал для острстки. Зато ракет не жалели: видимость, как днем. А тут вдруг ни пулемета, ни ракет.

— Что-то затевают. Надо полюбопытствовать, — предложил Непочатых.

— Можно, — поднялись двое парней.

Сняли сапоги, каски. Запаслись гранатами и скользнули в темноту. Вернулись довольно быстро.

— Худо дело, командир. Не иначе спалить нас хотят: понаставили, гады, огнеметов! А на высоте — крупнокалиберный пулемет, чтоб, значит, расстреливать нас, когда полезем из подвалов.

В ту же ночь взвод оставил сахарный завод и отошел к котельной. А командир с разведчиком подобрались к высоте. Пулеметчика сняли без единого выстрела.

Как всегда, на рассвете фашисты начали артподготовку. Потом ударили из огнеметов. Развалины запылали... А когда вперед бросились эсэсовцы, сержант Непочатых ударил им в спину! Подгоняемые смертельным огнем своего же пулемета, они кинулись к котельной и напорлись на кинжальный огонь автоматчиков. Илья тем временем хладнокровно расстрелял огнеметчиков и, заодно, орудейный расчет.

Прохоровка

Немецкие танки шли к Прохоровке. Подрывались, горели, но лезли, лезли и лезли вперед. Их было так много, что уничтожить все казалось просто невозможно. Да и наши силы не беспредельны! Хотя все поля усеяны трупами гитлеровцев, хоть не было высоты, на которой бы не догорали «тигры», платить за это приходилось дорогой ценой.

У Прохоровки прорвавшиеся танки встретила 19-я мотомехбригада. Командир 76-миллиметрового орудия сержант Губин смотрел на медленно ползущие танки, а думал вовсе не о предстоящем бое. Всего два часа назад он побывал дома! Ведь его родное Вязовое в тридцати километрах отсюда. Мать сразу не узнала. Еще год назад получила

извещение, что ее Коля пропал без вести. А он был тяжело ранен под Калинином... И надо же так сложиться фронтовой судьбе, что воевать приходится чуть ли не на окраине своего села!

Наводчик Иванов скосил глаза:

— Ты чего радуешься? До танков меньше километра!

— Ничего, пусть лезут... Ты, главное, следи за пушками. Видишь, как бестолково башнями крутят? Значит, нас не обнаружили.

— Дуриком идут. На психику дают,— сплюнул Иванов.

— Работаем, как и раньше,— напомнил Николай.— Первый снаряд по гусеницам. Танк, само собой, разворачивается. Второй — в борт! Тут же переносим огонь на соседний... Начнем с крайних, а то, чего доброго, обойдут с флангов. Давай! — совсем не по-уставному скомандовал он.

Больше Губин ничего не говорил. Пушка методично изрыгала снаряды, и ни один не проходил мимо цели. Горят уже два, нет, три танка! Но на их месте появляются новые и подбираются все ближе. Рвутся снаряды, свистят осколки, смрадный чад повис над полем, но артиллеристы бьют и бьют по стальной стене. Вот снаряд рикошетом отскочил от «тигра», но танк загорелся.

— Что за чертовщина? — удивился Губин и припал к панораме.

Танк как на ладони. Почему-то желтый. «Из Африки, что ли?» — подумал Губин. Снаряд чиркнул по лобовой броне, а густой дым валит сзади. И экипаж не выскакивает... Больше того, башня медленно поворачивается в сторону батареи.

— Эге, хитришь, фашист! — обрадовался Губин.— Сбили твою спесь-то! Поджег на корме дымовую шашку и думаешь, избавился от путевки в рай? Нет, гад, не на тех напал! Снаряд!

Два выстрела раздались одновременно. Теперь уже по-настоящему вспыхнул «тигр», но и его снаряд разорвался у самого орудия. Упал Иванов, Николай занял его место.

— Снаряд,— прохрипел он.— Снаряд!

Но снаряда не было. Оглянулся... От расчета осталось двое: он да ефрейтор Козлов.

— Сейчас,— простонал Козлов.

Он полз на боку, прижимая к груди снаряд. Снаряд был красный от крови. Губин бросился к товарищу, на ходу доставая индивидуальный пакет.

— Стреляй! — процедил Козлов и пополз за следующим снарядом.

Еще два часа орудие Губина посылало по танкам противника окровавленные снаряды. А потом Козлов не поднялся. Упал рядом и Губин. Орудие замолчало. Давно молчала и вся батарея. А перед ней догорало девятнадцать танков... Теперь немцы без опаски двинулись вперед, но тут в контратаку пошли «тридцатьчетверки».

«Перегруппировав в течение 10 июля свои основные силы на более узком участке, противник вновь бросил их в направлении Прохоровки, рассчитывая здесь смять наши ослабевшие войска... К исходу 11 июля на участке Воронежского фронта наступил опасный кризис сражения».

Г. К. Жуков

Всего одну ночь Николай Губин пробыл в медсанбате. Гудела голова, ватными стали ноги, почему-то не гнулись пальцы, но утром он ушел в свою часть. «Черт с ней, с контузией, — решил он. — Отлежусь потом». Получил новое оружие, сколотил расчет — и снова на огневую позицию.

В бой вступили с ходу. На руках выкатили пушку на бугорок и тут же открыли огонь: танки были в трехстах метрах! Отбились. Только вырыли ровики для снарядов, окопчики для себя — навалились самолеты. От беспомощности артиллеристы скрежетали зубами и грозили «юнкерсам» кулаками. Ушли самолеты — снова поперли танки. Панорама сбита. Половина расчета уничтожена. Но пушка стреляет! И ни один танк не прошел через высоту!

К вечеру атаки прекратились. Ночью Губин послал своих ребят к разбитым пушкам. С одной сняли уцелевшую панораму, от другой натаскали снарядов. Утром артиллеристы были готовы к последнему бою. То, что он последний, всем стало ясно, когда они увидели ползущие колонны танков. Попытались считать. Где-то на пятой сотне плюнули. Обнялись. Разошлись по своим местам. Не сговариваясь, осушили фляжки с драгоценной водой: хоть перед смертью досыта напиться.

То, что увидел Губин, когда зачем-то оглянулся, так поразило, что он, забывая об осторожности, вскочил во весь рост и закричал: «Братцы! Наши-и-и!» Еще недавно чистое поле было заполнено сотнями краснозвездных танков. Они уже заметили немцев и перестраивались в боевой порядок.

Так началось величайшее в истории Отечественной войны встречное танковое сражение. Тысяча двести танков и самоходных орудий участвовали в этой битве! Отборным фашистским дивизиям «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» противостояла 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, 5-я гвардейская армия А. С. Жадова и еще два танковых корпуса.

Но битва развернулась не только на земле. Ожесточенные бои велись и в воздухе. Небо над Прохоровкой прикрывала 5-я воздушная армия. К этому времени наши танкисты уже научились бороться с «тиграми» и «пантерами», а вот против термитных бомб, которые сбрасывали «юнкерсы», были бессильны.

Эскадрилья истребителей, где был и лейтенант Кононенко, получила приказ перехватить самолеты противника и не пропустить к Прохоровке. Десять «лавочкиных» против пятидесяти «юнкерсов» и тридцати «мессершмиттов»!

— Внизу уже шел страшный бой,— вспоминает Герой Советского Союза Н. Н. Кононенко.— Танки стреляли в упор, шли на таран, экипажи схватывались врукопашную... Мы летели на малой высоте и все хорошо видели. Только отвернули на солнце и набрали высоту, показали немецкие самолеты. «Мессеры» начали отсекай нас от бомбардировщиков. Но мы в бой не ввязывались и еще больше отвернули на солнце.

«Убери ведущего «юнкерса»! — приказал я своему ведомому Коле Артамонову. Коля спикировал, и «юнкерс» загорелся. Следом бросились и мы. Прорвались сквозь строй «мессеров» и навалились на бомбардировщики. Только так мы могли помочь танкистам! Сейчас не до истребителей! Главное — не пропустить к Прохоровке «юнкерсы»! Сорок минут продолжался бой, и ни один фашист не прорвался. Девятнадцать самолетов загнала в землю наша эскадрилья.

Только мы приземлились и заправились горячим, как снова ракета. Опять в бой! На этот раз прямо над Прохоровкой. Иногда мы так увлекались погоней за бомбардировщиками, что забывали о «мессерах». Так случилось со старшим лейтенантом Кучеренко. Он увлекся атакой и не заметил, что у него на хвосте висят четыре «мессера». Конечно же, они бы его сбили. Но ведомый Кучеренко, девятнадцатилетний Толя Добродецкий, бросился на таран. «Мессершмитт» загорелся. В воздухе было так тесно, что в них врезался еще один «мессер». Так Толя одним тараном сбил два истребителя и спас товарища. За этот подвиг Добродецкому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

В тот же день мне пришлось сделать семь вылетов. Самолет не успевали заправлять. Я приземлялся, пересаживался в другой, уже готовый к бою, и снова в небо. К концу дня танковое сражение закончилось. Сверху не было видно даже земли — всюду груды покоренного железа. Но видел я и другое: наши войска движутся на запад, а немцы спешно окапываются и переходят к обороне. Был в этой победе и мой вклад — десять сбитых самолетов. С этого дня фашисты больше не наступали, а мы их гнали и гнали, вплоть до самого Берлина.

«Первый этап — оборонительное сражение — наши войска завершили на Центральном фронте 12 июля, на Воронежском фронте — 23 июля... Второй этап битвы — контрнаступление — также начался не одновременно».

Г. К. Жуков

Знамя над Орлом

«Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяжением 40 километров и за три дня напряженных боев продвинулись вперед на 45 километров...»

(От Советского Информбюро, 15 июля)

— Придется штурмовать,— сказал капитан Мохначев.— Если не выбьем немцев из этой проклятой конюшни, атака захлебнется. Местность, как видите, открытая. Конюшня хоть и разрушена, а дот получился непробиваемый. Словом, пойдут добровольцы.

Все шестьдесят разведчиков шагнули вперед. И вот среди бела дня по простреливаемому со всех сторон полю они пошли в атаку. Когда до конюшни осталось метров сто, упал капитан Мохначев. К нему подполз сержант Санько. Капитан сидел в траве, ругался и... Тут Санько стало дурно: у капитана ниже колена была оторвана нога. Но голень держалась. На одной коже. А капитан почему зря костерил разорвавшуюся рядом мину и пытался оторвать перебитую ногу.

— Чего уставился?! — побелевшими глазами взглянул он на Санько.— Нож есть? Режь! Как это не можешь?! Режь, говорю! — схватился он за пистолет.

Санько взмахнул ножом, аккуратно отложил в сторонку ногу капитана, обутую в стоптанный сапог, перетянул ремнем бедро, взвалил командира на спину и пополз к своим. Сдал в медсанбат — и снова к конюшне.

Утром началась артподготовка, подошли танки, хлынула пехота... Это был знаменитый прорыв у деревни Вяжи, открывший путь на Орел.

И вот наступила ночь на 5 августа 1943 года. Наши войска стояли на подступах к Орлу. У самого железнодорожного вокзала! В 23 часа 30 минут в распоряжение разведроты пришел подполковник Лапин.

— Орловцы среди вас есть? — спросил он.

— Нет,— ответил старшина.

— Та-а-к... А старые разведчики есть?

— Остался один Санько. Остальные там,— кивнул старшина на свежие могильные холмики.

— Вот что, Иван Дмитриевич,— торжественно начал Лапин.— Есть очень важное и очень трудное задание. Я бы даже сказал, нахальное задание,— улыбнулся он,— поэтому нужны надежные люди, человек десять. Смотри сюда,— сказал Лапин и развернул сверток.

— Знамя! — ахнул Санько.

— Да, Ваня, знамя. Утром — общее наступление. Будем штурмовать Орел. Сам знаешь, как много значит знамя в бою. Если оно

впереди, к нему рвутся любой ценой... Надо проникнуть в город, найти самое высокое здание и укрепить на нем знамя!

— Да-а, задача... Где хоть это здание?

— Их два. Церковь и жилой дом по Красноармейской, 13.

Через полчаса в темноту скользнуло девять разведчиков. Проскочили железнодорожное полотно... По улицам снуют мотоциклисты, ползут танки, тянут пушки. Переждали в развалинах. Потом по одному, прикрывая друг друга, перебежали улицу. Вот и силуэт пятиэтажного дома с круглой пожарной вышкой. «Нашли!» — обрадовался Санько.

«Как же наверх-то? — думал Санько, ощупью пробираясь вокруг дома.— Стоп! Кажется, лестница... Ну да, пожарная лестница». Вернулся к своим, сказал, что с ним пойдет Образцов. Остальным — прикрывать.

Санько забросил за спину автомат и схватился за перекладину. Лестница качнулась, скрежетнула... Сверху сыпалась пыль — расшатанные крепления чуть держались в кирпиче. На третьем этаже руки провалились в пустоту. Сколько ни щупал, ни царапал стену — лестницы не было. «Спокойно! — приказал он себе.— Думай! Ведь можно подняться и по внутренней лестнице. Только тихо. В доме могут быть фашисты».

Спустился на второй этаж, влез в окно и осторожно двинулся наверх. На уровне пятого этажа снова перебрался на пожарную лестницу — здесь она уцелела. По крыше шел крадучись, чтобы не гремело железо. Сверху все как на ладони! На площади немцы устанавливают противотанковые надолбы, чуть левее — пушки. «Эх, гранатку бы на вас!» — вздохнул Санько и полез на пожарную вышку. Как ни старался, взобраться не мог: не за что уцепиться. Попытался влезть изнутри, сквозь разбитый потолок — никак не мог достать до железного прута, к которому хотел привязать знамя. Пришлось подползти к самому краю крыши и махнуть пилоткой... Подошел Образцов. Санько встал ему на плечи, дотянулся до прута и крепко-накрепко привязал знамя.

Назад вернулись почти без приключений, если не считать, что наткнулись на немцев. Пришлось забросать их гранатами.

Никогда Санько с таким нетерпением не ждал рассвета. Как только заголубело небо и первые лучи солнца высветили затаившийся город, все увидели: над развалинами, превращенными в доты, над фашистскими траншеями, пушками и танками гордо реет Красное знамя! В едином порыве, с кличем «Даешь Орел!» бойцы ринулись на штурм.

В тот же вечер в столице нашей Родины Москве в честь освободителей Орла и Белгорода прогремел первый артиллерийский салют — двенадцать залпов из ста двадцати орудий. Этот салют стал предвестником самого главного, прогремевшего в день Победы!

СТРЕЛА НА КАРТЕ

Один известный военачальник как-то сказал: «Маршалы и генералы рисуют на картах стрелы, а несут их на своих плечах капитаны и лейтенанты».

— И не только они,— добавил командир гвардейской мотострелковой Рогачевской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии имени Верховного Совета БССР полковник А. П. Чумаков.— Я в армии больше двадцати лет, прошел все ступеньки — от командира взвода до командира дивизии — и крепко уяснил: чем выше звание и должность, тем больше ответственность и тем тяжелее та самая стрела. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что непосредственными исполнителями всех замыслов являются командиры батальонов, рот и взводов. Как вы знаете, на учениях «Запад-81» противоборствующие стороны называются «северными» и «южными». Причем «северные» наступают, а «южные» обороняются. Наша дивизия в составе «северных».

— Не кажется ли вам, что это глубоко символично? — спросил я.— Ведь и во время войны ваша дивизия почти всегда наступала.

— Да, боевой путь нашей дивизии, сформированной в 1942 году на базе Омского пехотного училища, шел через Сталинград, Орел, Белоруссию, Польшу и Восточную Пруссию. О боеспособности дивизии говорят хотя бы такие цифры: только за четыре месяца боев под Сталинградом она истребила 21 тысячу гитлеровских солдат и офицеров, 143 танка, 22 артиллерийские и 72 минометные батареи. Тогда же на знамени дивизии появилась первая боевая награда — орден Красного Знамени... Надо ли говорить, как я был взволнован и как горд, когда меня назначили командиром этой дивизии. Где-то даже мелькнула мысль: «А справлюсь ли?» Решил, что справлюсь, и с благодарностью принял назначение. Но я понимал, что это доверие надо оправдывать ежедневно, и только одним — напряженным ратным трудом.

Понять Александра Петровича, конечно, можно: дивизия, как говорится, на виду, любой огрех в работе виден сразу. Но полковник Чумаков прошел прекрасную школу и к должности комдива был готов... Родом он с Дона. Как и многие мальчишки, выросшие у воды, мечтал о море. Поехал поступать в Одесскую мореходку, но сорвалось. Значит, прощай мечта, прощай море?.. Сейчас-то Александр Петрович понимает, что надо было через год повторить попытку, но тогда он сгорал от стыда: все друзья поступили, а он — нет. Как показаться дома, как пройти по улицам родной станицы?! Не одну бессонную ночь провел тогда молодой казачонок, пока не принял бесповоротное решение — стать военным. Там же, в Одессе, подал документы в общевойсковое командное училище. Экзамены сдал хорошо, но на повторном медосмотре — удар, да такой, что выдержать

его смог бы не каждый: Саше велели забирать документы — инвалиды в армии не нужны.

«Да какой я инвалид?! — возмущался он. — Подумаешь, левая рука чуть кривовата: мальчишкой в колодец упал, так и срослось. Зато я ее так разработал, что она сильнее правой. Смотрите, запросто поднимаю двухпудовку... Свободно делаю стойку... Что еще? Что показать?»

Но комиссия была неумолима. Саша так расстроился, что набрался храбрости и пошел к начальнику училища. Генерал слушал сбивчивый рассказ паренька, вспоминал, как на войне такие же мальчишки, не долечившись, убегали из медсанбатов — и куда ведь убегали, на передовую, в самое пекло. Генерал уже давно понял, что перед ним хоть и юноша, но уже мужчина, причем с сильной волей и таким характером, какой просто необходим офицеру. Побольше бы таких упорных и стойких. Начальник училища снял трубку и приказал зачислить Александра Чумакова в число курсантов.

Время показало, что генерал не ошибся. Хотя треклятая рука мешала молодому офицеру еще не раз: при поступлении в академию имени Фрунзе, а потом и в академию Генерального штаба. Но у самых строгих врачей отпадали всякие сомнения в физической подготовленности офицера, как только они знакомились с его спортивной биографией.

Так закалялся характер будущего комдива. Много можно было бы рассказать о службе Александра Петровича, она была нелегкой и побед одержанно немало. Но самая главная победа — победа над собой. Эту победу надо одерживать каждый день, каждый час. Пустячный вроде бы пример, но говорит о многом. Однажды я заночевал в расположении дивизии. Утром встали затемно. Вылезли из палатки: холодно, дождливо, под ногами хлюпает. А командир как ни в чем не бывало делает зарядку. Но если ее делает командир, то и подчиненным отставать негоже. Ничего не попишешь — преодолел сонливость, все офицеры принялись за зарядку.

Весь день в штабе шла напряженная работа, ночью предстоял марш. Это нештучное дело — за считанные минуты всей дивизии сняться с места и совершить многокилометровый марш. К тому же идти надо незаметно: «южные» тоже не дремлют, их разведка наверняка действует. А ведь на пути дивизии бездорожье, болота, полусгнившие мосты. Как всегда, первыми ушли разведчики, потом саперы — они-то и должны привести в порядок мосты, где надо, сделать просеки, расширить дороги. Потом снялись и передовые батальоны.

На карте точно указан район, в который должна выйти дивизия и откуда начнет наступление. Я попросил комдива направить меня к одному из тех, кто несет ту самую «стрелу на плече», — командиру роты или батальона. Александр Петрович подумал и сказал:

— Идите в батальон капитана Герасимова. Он — командир настоящего хороший. Правда, человек ершистый. В споры лезет, но всегда по делу. Разговорчивым его не назовешь, но уж если скажет, как припечатает. О моем отношении к нему скажу только одно: батальон Герасимова наступает в первом эшелоне и именно он будет прорывать оборону «южных». Как вы понимаете, от успеха батальона зависит успех полка да и всей дивизии.

Капитан Ю. В. Герасимов был так занят, что на нормальную беседу у него не было времени, поэтому разговаривали мы урывками. Так что и рассказ о нем будет тоже, если так можно выразиться, рваный.

Высокий. Энергичный. Спортивный. Голубоглазый. Немногословный. Улыбчивый. Строгий. Прекрасно знает подчиненных. К каждому свой подход: одним приказывает коротко и строго, другим мягко и все подробно объясняет. Москвич. Отец — военный. Так что Юрий вместе с родителями кочевал по гарнизонам: учился в восьми школах. Мать мечтала видеть его врачом, а сын, как он рассказал, после небольшого семейного скандала поступил в знаменитое училище имени Верховного Совета РСФСР. Стесняясь, признался, что первый курсантский год был очень трудным: что ни говорите, а единственного сына родители избаловали изрядно — то не ел, это не пил, спорт не любил.

Прошло несколько лет, и теперь Ю. Герасимов — один из лучших комбатов дивизии. В этом я убедился, совершив вместе с ним трудный марш по белорусским лесам. В точно назначенное время батальон вышел на заданный рубеж и изготoвился к атаке.

В эту ночь все части и соединения «северных» вышли на исходные рубежи. Вот-вот придет приказ, в котором будет указано время начала наступления.

А где-то в штабах на картах рисуют новые стрелы. Они пересекают реки, которые придется форсировать, болота, по которым надо прокладывать гати, поля, на которых ждут жаркие рукопашные схватки. Что ж, на войне как на войне! И хотя идут учения, эти слова произносятся без тени улыбки: вся обстановка максимально приближена к боевой.

* * *

Наступать, как известно, куда труднее, чем обороняться. У обороняющихся — доты, дзоты, траншеи, блиндажи, минные поля, танки и пушки закопаны и замаскированы, а у наступающих — ничего, кроме отваги. Танки идут открыто, мотострелки — в полный рост.

На учениях «Запад-81» оборона «южных» готовилась не один день. Разведка «северных» установила, что силы примерно равны, а это значит, что прорывать оборону будет очень трудно, ведь потери наступающих всегда гораздо больше.

В штабах шла напряженная работа. Командир Рогачевской дивизии полковник А. П. Чумаков еще и еще раз изучал разведанные. Оказалось, что «южные» прекрасно знают время «Ч» — час начала наступления. Значит, ни о какой внезапности не может быть и речи. Правда, разведчики обнаружили слабо защищенные места на стыках двух полков. Но там непроходимые болота. Александр Петрович хорошо помнил, что во время проведения операции «Багратион» солдаты 1-го Белорусского фронта делали из прутьев что-то вроде коротких лыж и на них преодолевали болота. Допустим, он делает то же. Но как переправить танки, артиллерию, боевые машины пехоты?.. Выход один: гатить болота. Значит, стук топоров, визг пил. «Противник» тут же поймет, в чем дело. А что если шум сделать союзником? В одном месте с грохотом и стуком делать ложную дорогу, а в другом потихоньку — настоящую? Военная хитрость лишь тогда дает результат, когда о ней никто не знает. Поэтому полковник Чумаков приказывает в короткие сроки построить две дороги...

До начала наступления уже меньше суток. Оставив вместо себя начальника штаба, Александр Петрович решительно встал и вышел из штабной палатки. На ходу он бросил:

— Я к танкистам. Не хотите?

— Конечно, хочу. А что случилось?

— Пока ничего. Просто мы наступаем вместе с танковой дивизией, которой командует полковник Аношин. Вот о ком писать надо: в тридцать пять лет — командир дивизии! А я по сравнению с ним — старичок, мне уже сорок.

— Ладно уж, старикочек... Конечно, за военачальниками времен Великой Отечественной не угнаться: в ваши годы командовали армиями, а то и фронтами. И все же в последнее время командный состав армии и флота заметно помолодел. Но вот что поразительно: молодые комдивы рано седеют. Посмотрите на себя — аксакал да и только. А с Аношиным я уже встречался, он, кстати, поседел раньше вас. В чем дело? Ответственность, что ли, большая?

— Огромная, — вздохнул Александр Петрович. А теперь я отвечу на ваш вопрос: зачем еду к танкистам? Сила двух дивизий, танковой и мотострелковой, огромна. Но надо так отработать все тонкости взаимодействия наших частей и подразделений, чтобы во время наступления не было никаких осечек.

Комдивы уединились в штабной палатке. Я понимал, что их разговор не для посторонних, поэтому попросил провожатого и пошел в один из батальонов.

Танкисты получали боекомплект, приводили в порядок оружие, осматривали двигатели. На башне одного танка я заметил надпись: «Экипаж борется за звание экипажа имени Героя Советского Союза А. С. Мишина». А на стволе орудия — четыре звездочки.

— В войну такие звездочки означали количество подбитых танков.

А теперь? — спросил я у командира роты капитана А. Москаленко.

— Примерно то же,— ответил он, тщательно начищая сапоги.— Только звезды вручаются не за подбитые танки, а за умелые и самоотверженные действия экипажа, которые можно приравнять к подбитым танкам. Ну, скажем, танк угодил в болото, а экипаж без посторонней помощи его вытащил. Стремительное форсирование водной преграды в обстановке, приближенной к боевой, тоже стоит такой звезды. Я уж не говорю о боевых стрельбах. Короче говоря, чтобы носить почетное звание экипажа имени Героя Советского Союза А. С. Мишина, а он в боях на Курской дуге повторил подвиг Александра Матросова, нужно завоевать шесть звезд. Впереди наступление и форсирование реки, так что шансы у нас есть.

— Почему вы говорите: «У нас»?

— Потому что я командир этого танка.

— А можно познакомиться с вашим экипажем?

— Сейчас — нет.

— Это почему же?

— Через десять минут батальонное партсобрание. Моего механика-водителя будут принимать кандидатом в члены КПСС.

— Тем более. Где он сам-то?

— Да вон, под сосной.

И тут я увидел ладно скроенного, стройного парня, который аккуратно пришивал подворотничок. Он так этим увлекся, что не замечал ничего на свете. Это надо было видеть. Вокруг деловитая суета, все куда-то бегут, что-то несут, а на снарядном ящике, кстати не пустом, сидит механик-водитель и ловко орудует иглой. Мы подождали, пока он пришьет подворотничок, а потом и наскоро побрелся, и только после этого подошли к танкисту.

— Рядовой Уляхин. Старший механик-водитель роты,— представился он.

— А как тебя зовут?

— Саня... То есть Александр,— густо покраснел он.

Потом мы присели на те же ящики, и я попросил рассказать, чем он занимался до армии.

— Работал на шахте. Я из Донецка. Так что и дед и отец — все шахтеры. Пошел по их стопам и я. Почти три года был забойщиком на шахте имени Ленина... Извините, но мне пора,— поднялся он.— На партсобрание, да еще перере в жизни, опаздывать нельзя!

На поляне, прямо у замаскированных танков, собрались коммунисты батальона. Секретарь парторганизации старший лейтенант А. Протасов объявил, что в повестке дня два вопроса: задачи коммунистов батальона в предстоящем наступлении и прием в кандидаты в члены КПСС. По первому вопросу выступил командир батальона. Он был предельно краток. «Во все времена, на всех войнах и учениях коммунисты были впереди,— сказал он.— Нам предстоит

нелегкий день и еще более трудная ночь. Боевые стрельбы, форсирование Западной Двины, ночной бой, а в случае успеха марш в кромешной тьме с задачей выйти в тыл «противника». Как вы понимаете, в этих условиях всякое может случиться. Поэтому в критических ситуациях мы должны действовать, как наши отцы и деды, по принципу: «Коммунисты, вперед!»

Потом командир роты и начальник штаба батальона, которые давали партийные характеристики Александру Уляхину, рассказали о лучшем механике-водителе роты, о его собранности, принципиальности, готовности прийти на помощь...

Поздравляя молодого кандидата в члены КПСС, заместитель командира полка по политической части сказал:

— Завтра в бой! Я не оговорился, именно в бой! Ничего нет почетнее, чем влиться в семью коммунистов накануне боя. Так было в гражданскую, Отечественную, так будет всегда. Мы наступаем в первом эшелоне, и в авангарде рота капитана Москаленко. Танк командира роты будет впереди, и поведет этот танк рядовой Уляхин. Помни об этом, Саша. Пройдешь ты, пройдут и остальные. Помни о славном прошлом наших гвардейцев-однопольчан. Все, товарищи! До встречи на левом берегу Западной Двины.

Чем ближе время «Ч», тем чаще я слышал слово «форсирование», тем яснее становилось, что самое трудное в этом наступлении — переправа на левый берег Западной Двины. Форсирование водных преград во все времена считалось одной из самых сложных операций. Не случайно во время Великой Отечественной войны почти все преодолевшие Днепр, Вислу, Одер и другие крупные реки, получали ордена и медали.

Я помню, как внимательно слушали солдаты и офицеры, участники учений, Героя Советского Союза С. А. Пашкевича. Сейчас Степан Афанасьевич работает слесарем на Полоцком заводе стекловолкна, он — почетный гражданин Полоцка. Приветствуя участников учений от имени воинов-ветеранов, Степан Афанасьевич напомнил, что самым сложным для них будет форсирование Западной Двины.

— По себе знаю, что такое переправа. Ведь Золотую Звезду я получил именно за форсирование, да еще такой реки, как Дунай. Помните, у Твардовского... «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый. Снег шершавый, кромка льда... Кому память, кому слава, кому темная вода, — ни приметы, ни следа». Теперь времена, конечно, не те, средства и способы преодоления водных преград стали совершеннее, но все равно на водной глади и техника и люди не защищены от губительного огня обороняющихся. Около вас будут рваться не осколочные снаряды, а взрывпакеты; бомбы, мины и ракеты — тоже учебные, но дым и вода настоящие. В суетоке форсирования всякое может случиться — и машины столкнутся, и понтон перевернется. Поэтому ни на секунду не забывайте суворов-

ского правила: «Сам погибай, а товарища выручай!» Ни за что бы нашему взводу не перебраться через Дунай, если бы не взаимовыручка. И еще. Помните, сынки, о самом главном: в бой вы завтра идете «...не ради славы, ради жизни на земле».

Истекала последняя ночь перед началом наступления. Не знаю, у кого переняли солдаты эту традицию — ведь их командирам по тридцать — сорок лет и в войне они не участвовали, — но все хотели идти в бой чистыми, в тщательно пригнанном обмундировании. Поэтому там и сям разбивались походные бани, к ним кипами свозили свежее белье, а повара готовили сытный и вкусный ужин, не забывая о калорийном сухом пайке.

И вот настало то утро, ради которого маршалы и генералы бессонными ночами вычерчивали на картах стрелы, ради которого молодые, но рано поседевшие комдивы месяцами не давали покоя своим комбатам, ради которого солдаты на полигонах и в учебных центрах до седьмого пота бегали в атаки, стреляли по макетам и мишеням, короче говоря, настало утро генеральной проверки ратного мастерства всех — от маршала до рядового.

Когда-то мне довелось пережить несколько землетрясений. Так вот первое, о чем я подумал, когда раздался отдаленный гул и мелко задрожала земля: не началось ли землетрясение? Постепенно гул приближался, распавшаяся на грохот, стрекот, пронзительный вой, гулкое буханье, резкие хлопки, щелчки и бог знает что еще. Шла артподготовка! Причем не учебная, а настоящая: все, что могло стрелять, стреляло боевыми снарядами. Разумеется, огонь велся по макетам и мишеням, расположенным на специальном полигоне. Макеты были отнюдь не фанерные, но осталась от них груда оплавленного металлолома.

Потом начались бои с применением холостых зарядов. К концу дня «северные» прорвали оборону «противника» и устремились к Западной Двине. Их авангардные батальоны пытались на плечах «южных» форсировать реку, но те, умело маневрируя, сдерживали натиск мотострелковой и танковой дивизий «северных».

Мы стояли на вышке, сооруженной на самом берегу, и хорошо видели всю картину боя. Вот в небе появились самолеты «южных». Они наносят удары по наступающим частям «противника», но их тут же атакуют истребители «северных». Командующий войсками «южных» решает организованно отойти на левый берег и не дать «северным» с ходу форсировать Западную Двину.

На большой скорости, ведя огонь по наступающим, из леса появляются боевые машины пехоты «южных» — это арьергардный батальон. Не притормаживая, БМП буквально прыгают в реку и, отстреливаясь на плаву, соединяются с основными силами, занявшими оборону на крутом берегу. Передовые подразделения «северных» тоже пытаются быстро преодолеть реку, но «южные»

открыли такой бешеный огонь, что в какой-то момент я даже засомневался: учебные ли рвутся заряды — огонь, грохот, летящие комья земли, вспененные всплески воды... «Северным» пришлось отступить. Причем несколько боевых машин они «потеряли» — те так и остались полузатопленными. Экипажи, правда, их покинули и перебрались на другие БМП. Вертолеты «северных» пытаются поддержать своих и выбросить воздушный десант, но истребители «южных» их атакуют и срывают эту попытку. Появляются самолеты «северных», их перехватывают истребители «южных». А тут еще и вертолеты. Словом, в небе такая кутерьма, да еще на сумасшедших скоростях, что в какие-то моменты забываешь о правилах учебного боя и начинаешь переживать по-настоящему.

Вскоре полковник Чумаков понял, что форсировать реку с ходу не удастся, и решил это сделать после соответствующей подготовки. Я понимал, как нелегко ему было принять это решение: ведь под угрозу ставился успех всей операции. Но прорвать заблаговременно подготовленную оборону, да еще с одновременной переправой через реку, — дело безнадежное. Рискнуть, конечно, можно, тем более что один взвод зацепился за левый берег, но уж очень велики будут потери. А ведь наступать нужно и после форсирования Западной Двины, и наступать в хорошем темпе.

Полковник Чумаков решил торопиться не спеша... Пока моторелки производили необходимые перестроения боевых порядков, в дело вступила артиллерия и бомбардировочная авиация. От рева самолетов, разрывов бомб и снарядов заложило уши. Разговаривать невозможно. А потом в небе стало черно от вертолетов: «северные» задумали высадить большой воздушный десант. Как только десантники захватили узкую полосу берега, вперед рванулся чудом удержавшийся на прибрежном песке взвод. Тут же к реке устремился авангардный батальон «северных», а за ним и остальные. Взрывы, всплески, рев моторов, грохот канонады... Боевые машины пехоты выскочили на левый берег и завязали бой. Через минуту к реке вышли танки. Одни на паромках, а другие своим ходом прямо под водой преодолевают реку.

В 1944-м во время Витебско-Оршанской операции именно в этом месте Западную Двину форсировали войска 6-й гвардейской армии. Сражение было очень упорным, фашисты бросали в бой все новые и новые части, но все они были разгромлены.

Тем временем «северные» захватили довольно большой плацдарм. Для переправы вторых эшелонов и тяжелой техники полковник Чумаков приказал навести мост. Это поручено понтонерам, которыми командует капитан Шевелев.

Вскоре прямо к воде выскочила колонна мощных грузовиков. Они одновременно развернулись, сдали назад, и тут же в воду полетели огромные понтоны. Вода холодная, вздыбленная, над рекой стелется

дым, но солдаты где по колено, а где и по пояс бросились к понтонам и начали их соединять. Видно, что работают мастера, никто не суетится, не бежит без дела... Катера подцепили собранный у берега мост и развернули поперек реки. Через несколько минут первые танки вышли на мост. Норматив перекрыт в два раза! Потом понтонеры навели второй мост, и техника пошла непрерывным потоком.

Казалось, исход сражения решен. Но «южные» ввели в бой резервы: во фланг дивизии Чумакова ударил танковый полк. Нелегко пришлось бы мотострелкам, если б не подошли танки полковника Аношина. Где-то за разрывами промелькнул знакомый танк с четырьмя звездами на стволе и пропал в гуще боя.

Постепенно канонада отодвигалась все дальше и дальше. Наступили сумерки, а потом и ночь. Но бой продолжался до самого утра. «Южные» сопротивлялись так упорно, что «северные» время от времени теряли инициативу. Тогда командующий войсками «северных» принял решение высадить в тылу «южных» два десанта: воздушный и морской. Я видел, как с неба на парашютах опускались боевые машины и тут же шли в бой, как десантники проявляли мужество и героизм, если так можно выразиться, не предусмотренные учениями: один десантник запутался в стропах и, безусловно, мог бы разбиться, но другой его подхватил, и они благополучно приземлились вдвоем на одном парашюте. Я видел, как из морской пучины выходила морская пехота и вступала в отчаянную рукопашную. Я видел встречный бой, когда танки шли лоб в лоб, лишь в самый последний момент сворачивая в сторону.

А потом был смотр. На огромном плацу «северные» и «южные» стояли рядом. Вчерашние «противники», пропыленные, усталые, но гордые и счастливые оттого, что славно поработали, поздравляли друг друга с победой. Да, побежденных в этих учениях не было, ибо победило наше оружие, наш воинский дух, наш советский солдат, готовый по первому зову стать на защиту Родины.

Выступая перед участниками учений, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, в частности, сказал:

— Личный состав, принимавший участие в учениях, самоотверженно выполнил свой воинский долг, проявил мужество, инициативу, умение действовать и применять свое оружие в бою, показал высокую политическую зрелость и волевые качества, готовность надежно защищать наше социалистическое Отечество, наших друзей и союзников.

* * *

Учения «Запад-81» позади. Но жизнь Вооруженных Сил такова, что от разбора одних учений до начала следующих проходит не так уж много времени. Значит, снова маршалы и генералы будут рисовать на картах стрелы, а понесут их на своих плечах такие молодые и энергич-

ные офицеры, как полковник А. П. Чумаков и командиры его батальонов, рот и взводов.

...Совсем недавно я снова встретился с А. П. Чумаковым — теперь он стал генералом, народу в его подчинении гораздо больше, да и седины прибавилось.

— Выходит, рисовать стрелы — тоже нелегкое дело? — спросил я.

— Куда более трудное, чем нести самому! Но если плечо привыкло к этой тяжести, то, вычерчивая стрелу, всегда учиываешь, каково ее будет нести капитанам и лейтенантам!

МОРСКОЙ ХАРАКТЕР

«Море!.. Это, брат, раздолье! Эх! И куда ни поверни корабль, везде тебе дорога. Гуляй, душа! Любуйся красотами мира! А какой только твари в нем нет! Часто даже не поймешь — не то это рыба, не то зверь какой... Да ты, малец, хоть бы одним глазом взглянул на море, так и то ахнул бы от удивления...»

Эти строки А. С. Новиков-Прибой написал в начале двадцатых годов, а лет через тридцать в глухой алтайской тайге их прочел тощий, полуголодный мальчонка. Время было трудное, послевоенное, семья большая — семь братьев и сестер, а работник один — отец. Да и у него силы уже не те. Вот и подпоясывали ветхие фуфаячки десяти-двенадцатилетние ребятишки, влезали в дедовы сапоги и шли на сплавы леса — другой работы в тихой деревеньке Петрова Речка просто не было.

Как попала эта книжка к сплащикам, никто не знал, не иначе забыла эвакуированная учительница, а кто-то взял на раскурку. Мужики дымили самосадом, ребята постарше втихую пытались им подражать, а малолетки, вроде Васьки Порошина, возились у костра. И вдруг Васек наткнулся на строки о море! Прочитал. Отложил. Снова прочитал. Слова как слова, и в школе про море проходили, но почему-то Василю до дрожи в горле захотелось узнать, о чем там дальше... Он начал собирать выданные листки и, когда они сложились один к одному, увидел название рассказа — «Судьба».

Вековая тайга. Бурлящая речка. Отдыхающие сплащики. И двенадцатилетний мальчонка, впитывающий строки Новикова-Прибоя при неверном свете костра. Кто мог тогда подумать, что в ту ночь решалась судьба не только маленького героя рассказа, которого мать хотела пристроить в монахи, а по дороге им повстречался приехавший на побывку матрос: увлек этот матрос с твердого, сухопутного пути не только несостоявшегося монаха, но и юного сплащика леса.

Васек не раз подходил к школьному глобусу и замечал, как много на нем синего цвета, но если что и удивляло, то только одно — почему эта вода не разливается. А сейчас он смотрел на свою родную речку

и тихо улыбался, вспоминая слова матроса с корабля «Победитель бурь»: «Ты спрашиваешь, видны ли в море берега? Ни черта, брат, не увидишь, хоть залезь на самую высокую мачту. Иногда плывешь неделю, две, а кругом все вода и вода... Посмотри на небо. Где берега в нем? Так и в море. И такое же оно глубокое. Ну как, браток, просторно, а?»

Шли годы... Василий окреп, стал хорошим охотником, на соревнованиях выполнил первый разряд по стрельбе, тайгу изучил как свои пять пальцев, знал толк в лечебных травах, так что в доме если и шли споры о его будущем, то только об одном — в медицинский поступать или лесотехнический. Но тут вмешался старший брат — летчик: после восьмилетки забрал Василия и увез на свой аэродром далеко от Алтая. Теперь Василий жил среди самолетов, разговоров о «бочках», «штопорах» и «иммельманах», но... зачитывался книгами Станюковича, Соболева и, конечно же, Новикова-Прибоя. В конце концов потихоньку от брата Василий пошел в военкомат и подал заявление в знаменитую «фрунзевку». Получив аттестат, тут же уехал в Ленинград и... вскоре вернулся. Все решила «тройка» по сочинению. Удар был страшный! Василий не находил себе места от горя. Брат утешал: «Иди в радиотехнический. С твоими оценками туда возьмут без экзаменов. Я узнавал». Но Василий решил по-другому: уехал в Петрову Речку и устроился на кузню молотобойцем. Во-первых, силенки подкачать, во-вторых, поближе к огню — Василий видел себя не на корабельном мостике, а в артиллерийской башне и, в-третьих, никому не хотел быть в тягость и зарабатывать на прокорм себе сам.

Не знал тогда будущий адмирал истинной сути прекрасной русской поговорки «За одного битого двух небитых дают», а жизнь уже примерялась к его душе, его характеру, ковала из него мужчину, способного перенести любые испытания. Есть люди, так ни разу ни на чем не споткнувшиеся, не узнавшие горя, душевных потрясений, настоящей боли. И кто знает, как поведут они себя, свались на них беда, приди серьезное испытание — они к этому просто не готовы. Чем раньше жизнь начнет испытывать юношу на прочность, чем раньше он научится преодолевать всевозможные трудности, тем раньше станет мужчиной.

Василий Порошин с десяти лет в тайге, в поле, на лесосплаве, ходил с двухстволкой на любого зверя, помогал поднимать братьев и сестер, поэтому к семнадцати годам у него был уже настоящий мужской характер, тот, который неудачи не повергают в уныние, а подстегивают! Со второго захода он блестяще сдал экзамены и стал курсантом. Зачисленных в училище тут же отправили в летние лагеря: нужно было пройти курс молодого матроса. Выдали тельняшку, робу, здоровенные ботинки, бескозырку без ленточки (из-за этого курсанты ужасно «комплексовали» — ничего нет нелепее такой бескозырки, но

в те времена ленточку вручали лишь после принятия присяги), поселили в палатках, и началось: подъем в шесть, отбой в двадцать два, кроссы, гребля, парус, строевая подготовка, купание в холодном море, изучение уставов, матросский паек... Выдержали не все. «Маменькины», «папенькины» и прочие сынки, натасканные для экзаменов репетиторами, бросили училище.

— И это хорошо! — с жаром говорит контр-адмирал В. А. Порошин. — Чем жестче испытания, тем лучше. По крайней мере человек успеет выбрать профессию по своим силам и не будет потом маяться всю жизнь. А то ведь, что греха таить, порой с настоящими трудностями молодой офицер сталкивается уже на корабле, когда профессию менять поздно.

— Недавно мне довелось побывать во «фрунзевке». На Доске почета я увидел вашу фамилию, выбитую золотом. Как вам, пареньку из сельской школы, где подготовка, как говорится, оставляет желать лучшего, удалось окончить училище с золотой медалью?

— Все очень просто: я учился не только для того, чтобы стать офицером, но и для того, чтобы получить знания. К сожалению, эту элементарную истину понимают не все, поэтому, придя на флот, в НИИ или на завод, практически начинают с нуля и, если так можно выразиться, частенько «горят». А все потому, что в курсантские или студенческие годы просто-напросто валяли дурака. Думаете, у нас не было двоечников, бузотеров или выпивох?! Были. Но от них беспощадно избавлялись, так что стать офицерами и проскользнуть на флот им не удалось.

— Ваши друзья мне рассказывали, что вы были персональным стипендиатом, получали ежемесячно по тем временам немалую сумму и все время были в долгу... у буфетчицы.

— Это точно, — улыбается Василий Алексеевич. — С долгами я рассчитался уже с лейтенантской зарплаты. А все потому, что у нас была традиция: с каждой стипендии отличник должен вести друзей в буфет, а друзья — практически все училище.

— И что... выпивали?

— Ни в коем случае! С этим было чрезвычайно строго. В училище был запрещен даже запах спиртного. Как-то один курсант вернулся из увольнения несколько под «шафе». Утром перед строем объявили приказ: матросом на Северный флот. Но всяких сладостей, лимонадов, пирожных и прочего в буфете было много... Не забывайте, что все мы жили далеко от родителей, кормили нас хоть и хорошо, но несколько однообразно, а нам по девятнадцать-двадцать лет.

Действительно, девятнадцать-двадцать — возраст совсем юный, но как целеустремленно жили эти юноши, как ярко, интересно и непросто формировался их внутренний мир... Василий Алексеевич разрешил мне порыться в его фотографиях, рассмотреть многочисленные грамоты, дипломы, и вот совершенно случайно я наткнулся на

маленький красный блокнотик. Открыл. На первой странице надпись: «Дневник курсанта Высшего военно-морского училища имени Фрунзе». Дальше — адреса и телефоны знакомых, расписание электричек, размышления о прочитанных книгах, увиденных спектаклях. Но вот запись от 16 декабря 1958 года:

«Я все больше начинаю понимать, что в моей жизни основную роль будут играть общественные отношения и дела. Сейчас, как никогда, хочется стать настоящим коммунистом, а как, я еще не дошел до этого. Очень сильно понравились высказывания М. И. Калинина о личной жизни коммуниста. Вот были люди! За такими пошел бы хоть куда без малейшего колебания. Хочется побыстрее испытать себя. Оказаться трусом для меня равносильно смерти».

Надо сказать, что незадолго до этого курсант В. Порошин был принят в ряды КПСС, причем первым на курсе. Честь, конечно, немалая...

А через девять дней еще одна запись: «Отстоял наряд. Как-то уже привычно и даже не устал. Произошел неприятный разговор слевой. Он странный человек, старается видеть в людях только плохое: все против него. Я зря с ним начал говорить грубовато. Он принадлежит к разряду вспыльчивых людей: если доведешь его до «возгорания», дальнейший разговор бесполезен».

Гораздо позже в одной из бесед я «вывел» Василия Алексеевича на эту запись. Всегда улыбочивый, он сразу нахмурился.

— Да, тот разговор стал для меня уроком на всю жизнь. Тогда я, может быть, впервые задумался о том, что люди разные, что у каждого свой характер, свои представления о других людях и, наконец, каждый исходит в оценке окружающих и даже событий, опираясь на свой жизненный опыт. А он у всех разный! Много лет я служил командиром атомных подводных лодок, а последнее время — командиром части подводных лодок, ситуаций всяких было множество. И вот тут-то чрезвычайно важно найти не только правильный тон в отношениях с подчиненными, но и хорошо знать их сильные и слабые стороны. Моя задача как командира сделать так, чтобы сильные стороны стали еще сильнее, а слабые совсем захирели. В условиях многосуточных автономных походов, когда мы общаемся друг с другом и когда хочется и когда не хочется, ничего нет важнее, чем знать весь экипаж не хуже самого себя.

«26 марта 1959 г. Уходим на практику. Скоро в море. В море же и люди лучше и дела больше. А среди дела и хороших людей всегда хорошо».

— Да, тогда мы шли на эсминце «Буйный», — вспоминает Василий Алексеевич. — В Средиземном море нас изрядно потрепало: как мы ни хабрились, но от качки страдали почти все. Постепенно, правда, привыкли. Вот запись от 14 мая: «Встретили американские корабли — поприветствовали друг друга и разошлись. Почти все

время над нами летает какой-нибудь самолет. Сейчас Валерка ведет прокладку курса, а мы с Женькой ему мешаем — в результате все довольны. Идем вблизи от берегов Алжира. Наши мальчишки уже мечтают о том, как в отпуске будут «травить» об Африке».

Этот поход был для нас первым серьезным испытанием — испытанием морем и даже океаном. Но выдержали все! И никто из нас не знал, что впереди ждет куда более трудное испытание. Незадолго до выпускных экзаменов в училище появилось много офицеров в защитной форме: на флоте, как известно, носят черную форму, поэтому представителей всех других видов Вооруженных Сил мы отличали по цвету формы. Все насторожились. А когда поняли, в чем дело, было поздно... Как раз в те годы формировались Ракетные войска стратегического назначения, и лучших выпускников ряда училищ, в том числе и нашего, направляли в эти войска. Представляете, получить новенькую форму, лейтенантские погоны, кортик, сфотографироваться у лучшего фотографа Ленинграда — и сдать все это на склад; видеть себя в орудийной башне крейсера — и уехать далеко от моря. Короче говоря, я надел армейскую форму и стал ракетчиком. Дело прошлое, но переживал ужасно! А когда успокоился, то стал размышлять примерно так: «Подводный флот оснащен ракетами. Мне же с моей артиллерийской подготовкой на подводную лодку не попасть,— а я к этому времени твердо решил стать подводником. Значит, надо как следует освоить ракетное оружие: на подводных лодках такие специалисты очень и очень нужны».

Как раз в это время представилась возможность поступить в академию. Поехал сдавать экзамены на заочное отделение, но меня оставили на очном. На всю академию я оказался единственным лейтенантом — все уже минимум капитаны, но учился хорошо, окончил даже с отличием, получил предложение остаться в адъютантуре. Перспектива заманчивая: защитить диссертацию, стать преподавателем, жить в большом городе... А я по-прежнему мечтал о море. Короче говоря, написал рапорт Главному ВМФ С. Г. Горшкову с просьбой вернуть меня на флот. Просьбу удовлетворили...

Так капитан-лейтенант Василий Порошин попал на Северный флот. Направили его на дизельную лодку командиром боевой части. И вот первый выход в море. Для командира БЧ первый — в свои двадцать восемь лет он действительно впервые вышел в море как офицер, а его ровесники уже проплавали по пять-шесть лет, стали старпомами, а то и командирами лодок... Василию Порошину снова пришлось стиснув зубы учиться, осваивать новую технику и совершенно новую профессию: он мечтал быть не ракетчиком, а командиром лодки.

Сколько сожжено нервов, сколько потрачено сил, сколько набито шишек! Год службы на Северном флоте, потом пять — на Черноморском, учеба на Высших специальных офицерских классах ВМФ и, наконец, снова Северный флот, должность помощника командира атомной подводной лодки. Один за другим начались длительные

походы, настолько длительные, что порой удавалось выкроить время для учебы.

— Не удивляйтесь, — говорит Василий Алексеевич, — опять пришлось засесть за учебники, инструкции и наставления. Впереди были сложнейшие экзамены на право самостоятельного управления кораблем. Мне много пришлось сдавать всевозможных экзаменов, но более трудных, чем эти, по-моему, просто не существует. Обычно их сдают в течение нескольких месяцев. Дело в том, что будущего командира лодки сперва экзаменуют все флагманские специалисты соединения, а потом — флота. Осечка непозволительна ни на одном из этапов... Мечта моя сбылась в семьдесят четвертом году: будучи капитаном второго ранга, я был назначен командиром атомной подводной лодки.

Мечта сбылась... Но осознать это не хватало времени: опять дальние походы, подготовка экипажа, освоение новой техники... И вообще, кто точно знает, что важнее и, если хотите, прекраснее — сбывшаяся мечта или дорога к ней?! Ведь если оглянуться на тернистый и очень непростой путь В. А. Порошина, то можно с уверенностью сказать, что он необычайно насыщен и содержателен. Наверное, потому и получился из него хороший командир, что Василий Алексеевич не прыгал через служебные ступеньки, а поднимался по ним не спеша, простаивая на каждой, казалось бы, дольше, чем нужно, но впоследствии это оказалось чрезвычайно полезным.

И тут я не могу не вспомнить одну из записей, сделанных в курсантском дневнике: «Характер — это поступок! Можно без конца рассуждать о том, как ты умен или храбр, но пока это не докажешь на деле, все рассуждения — пустая болтовня».

— Не юношеский ли это максимализм? — спросил я у опытейшего подводника контр-адмирала В. А. Порошина.

— Нет! — убежденно сказал он. — Я по-прежнему считаю именно так: характер — это поступок. Вот, скажем, такой пример. Ничего нет страшнее пожара на корабле, находящемся в открытом море. Но еще страшнее пожар на подводной лодке: тут уже опасен не только огонь, но даже дым — выпустить его куда, значит, люди просто-напросто могут задохнуться. В таких случаях должны быть приняты все меры, даже и весьма суровые. Во имя сохранения подводного корабля и экипажа в отсеке, где обнаружено задымление, люди должны делать все возможное, чтобы найти и ликвидировать очаг. Бывали случаи — во время войны, — когда матросы и офицеры шли на самопожертвование и заливали отсек водой... В такой ситуации многое, если не все, зависит от командира — его реакции, принятых решений и, конечно же, от его личного примера.

— А кстати, Василий Алексеевич, учат ли где-нибудь на командира лодки?

— Нет. Ни в одной академии этому научить невозможно. Командира атомного подводного ракетносца должен вырастить... командир этого ракетносца. Все дело в том, что далеко не каждый

офицер, как бы он ни был грамотен и профессионально образован, может командовать подводной лодкой. Помимо всех других, командиру лодки нужны особые, специфические качества. Прежде всего очень хорошая реакция — умственная и физическая. Ведь на принятие решения у нас, как и у летчиков, порой отпущены секунды. Заклинило, например, рули, а лодка идет на погружение. Скорость корабля так велика, что за какие-то мгновения он может достичь запретных глубин — тогда его просто-напросто раздавит. Значит, за эти мгновения надо разобраться в причинах, решить, как выйти из этого положения, дать правильную команду да к тому же учесть, как быстро эта команда будет выполнена.

Выдержка! Без этого командир не командир. Чем опаснее и тревожнее ситуация, тем спокойнее надо отдавать команды. Решения принимать мгновенно, а командовать спокойно. Парадокс? Но без этого нельзя: ничего нет хуже и заразительнее паники.

Истинная партийность, понимание того, что выполняешь задание государственной важности, и образцовость во всем — от внешнего вида до соблюдения мельчайших положений уставов и наставлений. Находясь в плавании, подводная лодка выполняет важную задачу, и этому должно быть подчинено все. Больше того, надо сделать так, чтобы это осознал каждый матрос, мичман и офицер: ведь на борту у нас самое грозное оружие, какое только существует, и не наша вина, что оно должно быть в постоянной боевой готовности.

— Короче говоря, можно смело заявить, что командир подводной лодки — ныне главная фигура на флоте,— подводит итог Василий Алексеевич.— Я счастлив, что несколько прекрасных командиров выросло на лодке, которой довелось командовать мне. А до чего же трудно быть еще и педагогом! Ведь чтобы офицер рос, надо дать ему самостоятельность — это аксиома. Дал. А он делает что-то не так, да еще на твоих глазах! Как тут не вмешаться?! Но надо молчать. Надо дать возможность ему самому найти выход из сложной ситуации, иначе он никогда не поверит в свои силы.

И снова я вспоминаю запись, сделанную курсантом В. Порошиным много лет назад: «Сейчас, как никогда, хочется стать настоящим коммунистом, а как, я еще не дошел до этого». Не знал тогда молодой коммунист В. Порошин, что единого рецепта здесь нет, что каждый идет своим путем. Путь В. А. Порошина был не простым, но ясным. Контр-адмирал В. А. Порошин стал настоящим коммунистом и настоящим командиром. Недаром он первым в Военно-Морском Флоте СССР награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» всех трех степеней!

Сейчас В. А. Порошин — слушатель Военной академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. Пройдет время, и снова перед глазами паренька с Петровой Речки будет морское раздолье, снова неделями не видеть берегов, снова который раз будет он благодарить судьбу за то, что давным-давно кто-то из сплавщиков принес к костру рассказ А. С. Новикова-Прибоя «Судьба».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сталинградцы	3
На Огненной дуге	15
Стрела на карте	31
Морской характер	40

Борис Николаевич СОПЕЛЬНЯК

СТРЕЛА НА КАРТЕ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 16.11.84. Подписано к печати 08.01.85. А 00302. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,03. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 86 000 экз. Изд. № 77. Заказ № 3878. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВАМ, ФОТОЛЮБИТЕЛИ!

На улице и дома, в путешествии,
в гостях — повсюду с нами
фотоаппарат.

Выбрать экспозицию, нажать кнопку
затвора — минутное дело.

Потом... Потом, бывает,
накапливаются непроявленные
пленки.

Фотолюбителям помогут мастера
фотолабораторий бытового
обслуживания населения.

Они проявят цветную и черно-белую
пленку, сделают необходимое
количество отпечатков.

Росбытреклама